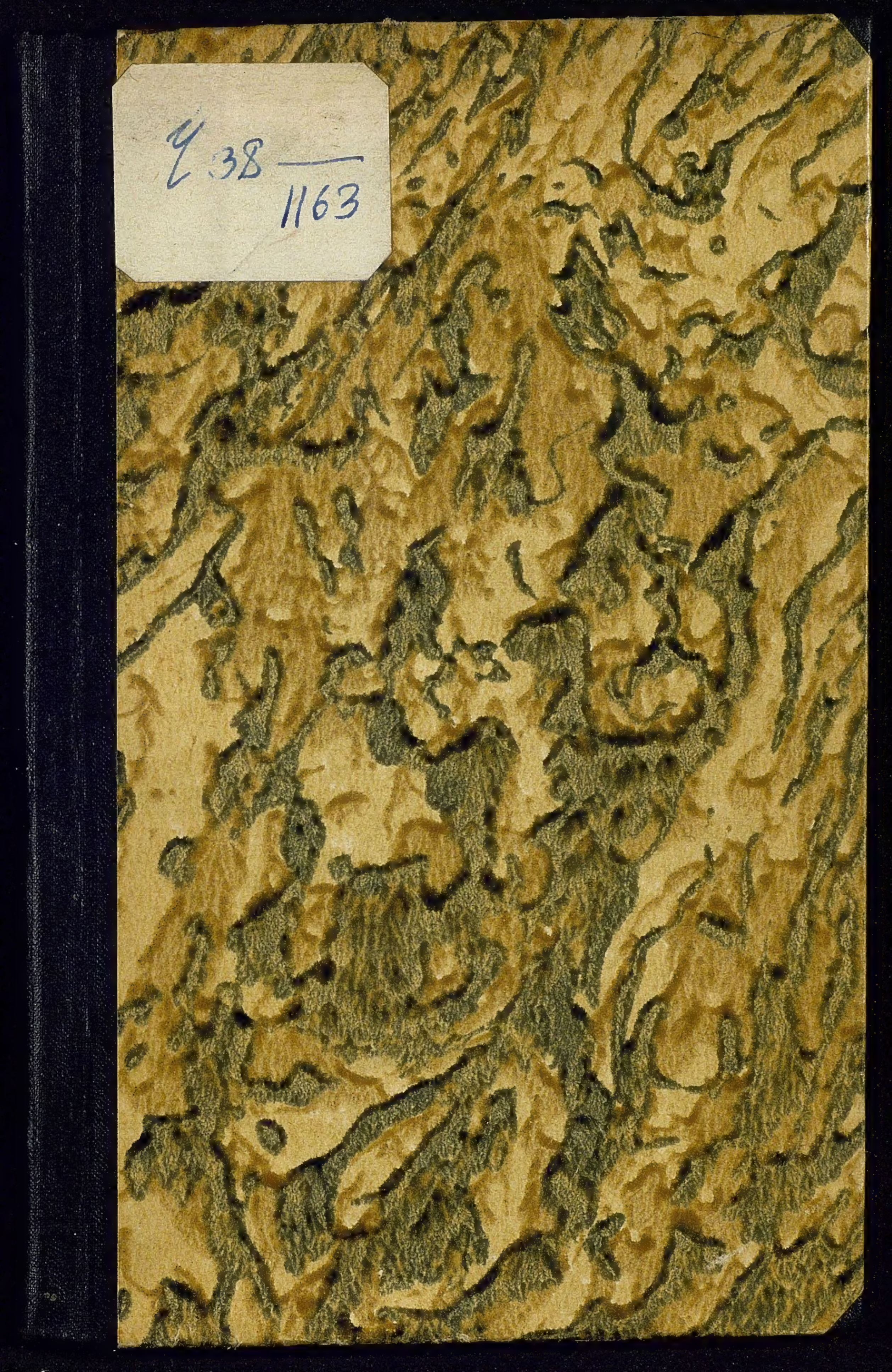

М. П. ПЕТРОВ.

Чувашское Государственное Издательство.
ЧЕБОКСАРЫ—1925

Глубокоуважаемому Феодору Николаевичу Родину на память от автора 24 февр. 192?

М. П. Петров

О происхождении чуваш

Доклад, читанный 26 февраля 1925 г. на заседании II Сессии Облисполкома V Созыва и 15 марта т. г. на заседании Общества изучения Местного Края Чуваш. Авт. Области

Чувашское Государственное Издательство.
ЧЕБОКСАРЫ—1925

Чувашоблит № 1036. Напеч. 3000 экз.

Г. Чебоксары. Типография Чувашиздата.

О происхождении чуваш.

Важность вопроса с точки зрения культуры и истории чуваш.

Вопрос о происхождении народности имеет громадное знечение в деле понимания ее культурной и исторической жизни. В отношении чуваш он имеет центральное значение, так как от того или иного его решения зависит существенный характер в изложении их истории. В самом деле, если историческая жизнь справедливо называется непрерывном потоком событий, то ясно, отдельные волны его будут понятны только по связи их с целым, а это последнее становится конкретным и теряет свою туманность только в том случае, когда будет установлено его начало. Без этого историк-наблюдатель оказался бы в положении путника, перед которым много дорог, простирающихся в туманную даль,—но которая из них верная, ему не известно. Отсюда понятен тот живой интерес, который невольно вызывается у всякого человека при обсуждении этногенических вопросов вообще и который нередко прикрашивается даже некоторой долей горячности, в особенности, если вопрос касается своей народности.

Страстная борьба, происходившая между русскими учеными по вопросу о происхождении русского народа, не должна быть для чувашских исследователей предметом поддражания по вопросу о происхождении чуваш.

Справедливость сказанного блестяще подтверждается примером русских ученых людей. Очень много труда и усилий положили они на решение вопроса о происхождении русского народа и было проявлено ими в этом деле очень много страстности. Известно, что существовало несколько теорий по этому вопросу, одна из которых производила русских от норманов, —теория, поддерживаемая Куником, М. П. Погодиным и некоторыми др. западниками. Горячим противником их был Н. И. Костомаров и вообще славянофилы. Нужно прочитать письмо Костомарова к Мордовцеву, чтобы понять, до какой степени горячности доходили русские ученые при дискуссиях по данному вопросу. Приведем характернейшие

выдержки из них. «Я имел уже первую схватку с Куником,—говорит он в одном письме,—схватку, столь жаркую, что присутствовшие начинали чувствоват необходимость в припасении воды на всякий случай».—«Недавно М. П. Погодин, явившись в Петербург, вызвал меня на дуэль, за оскорбление Рюрика,—пишет он в другом письме.—Поединок состоялся 19 марта. Я выдержал сей бой, яко Давид против Галиафа... Норманство с его доказательствами великолепно было ошикано и освистано. Теория, которая по своей несостоятельности должна бы приводить в краску нас всех, позволявших себя морочить и признававших за истину явную ложь, —теория эта пала, пала, пала»... Наконец, не можем не привести отрывка из третьяго письма. „У нас был Археологический С'езд, пишет Костомаров.—На нем Иловайский нанес последний жестокий удар норманской системе... Столько жертв. Вот побоище. Пока тела их не прибраны, должна быть страшная вонь в русской истории. Надобно учредить особую комиссию для подбора и погребения мертвых» [1]), заявляет он торжествующе.

Думаем, что у нас такой страстности в настоящей дискуссии вообще не будет, так как время, отделяющее нас от Погодиных и Костромаровых, определяется почти целым столетием и нам не пристало им подражать.

Кроме того, там вопрос шел о чести и достоинстве русского народа. Дело в том, что в норманской теории незаметно сказывались господствовавшие в то время Гегельянские воззрения на славян вообще и на русских в частности, обидные для них, потому что Гегель трактовал их, как неисторическую рассу, и тем осуждал их на духовное рабство у германской цивилизации [2]). Понятно,

---

1) Русская Старина, 1885 г., июнь.

2) «После крушения великий Наполеоновской империи в Европе распространилась, как эпидемия, реакция против космополитизма и романтический энтузиазм к национальности... Славянофилы были русскими представителями этой национальной реакции. . Одним из наиболее важных продуктов этого движения в Германии была Гегелевская теория всеобщей истории. По взглядам Гегеля, которые были приняты повсюду людьми, занимавшимися философскими вопросами, всеобщая история представляет «прогрес в сознании свободы» (Fortschritt im Bewustsein der Freiheit). В каждом периоде всемирной истории,—говорили гегельянцы,—одна какая-нибудь нация или расса имела высокое назначение дать возможность абсолютному разуму (или Weltgeist) обнаружиться в об'ективном существовании, тогда как другие нации или рассы не имели в это время метафизического основания для своего существования и

такие энтузиасты-националисты, как этнограф-историк Костомаров, не могли не быть в данном вопросе в сокрушительной оппозиции по отношению к западникам. Нам думается, что мы находимся в ином положении, чем корпорация русских ученых людей XIX века, и можем совершенно спокойно заняться обсуждением поставленного вопроса.

Малая изученность чувашского мира и появление интереса к нему со стороны русских ученых после Революции.

Но прежде, чем перейти к нему, необходимо отметить то обстоятельство, что наш чувашский мир доселе мало изучался. Если что и сделано в этой области, то сделано, главным образом, Зап.-европейскими учеными. Русские ученые, за редкими исключениями [1]), почти не занимались чувашами и повторяли только мнения тех

никакого высокого назначения, кроме того, чтобы рабски подражать счастливому сопернику, в котором на это время воплотился этот Weltgeist. Это воплощение было сначала в восточных монархиях, потом в Греции, затем в Риме и, наконец, в германской рассе. При этом обыкновенно принимали, если и не высказывали прямо, что этот мистический метепсихоз абсолюта достиг своего конца. Круговорот завершился. мировой дух нашел в германских народах свое высшее и конечное выражение!... По теории же Гегеля, вся славянская расса назначена прозябать без всякой возвышенной миссии, не провозвестя миру никаких новых истин, не произведя ничего лучшего, кроме подражаний немцам!» Русские патриоты были оскорблены взглядами Гегеля. «Принимая главные принципы теории Гегеля, они об'являли ее неполною. По их мнению, этот недостаток заключался в предубреждении, что человечество уже вступило в окончательное состояние своего развития. Тевтонские нации, может быть, в данную минуту стоят во главе цивилизации, но нет никакого основания предполагать, что они навсегда сохранят это привилегированное положение. Напротив, у них является много признаков, указывающих на то, что их выдающееся положение клонится к концу... «Мы отваживаемся высказать уверение, которое теперь для многих может показаться странным, но которое через несколько лет будет слишком очевидным: Западная Европа,—говорили русские патриоты,—быстро идет к разрушению. Между тем мы молоды, сильны и нисколько непричастны к грехам Европы... Мы назначены исполнить великую миссию. Наше имя уже написано на скрижалях победы, теперь нам надо вписать наш гений в историю человеческого духа. Победа более высокая—победа науки, искусства и закона ожидает нас на развалинах пошатнувшейся Европы» Так писал кн. Одоевский. (Мэкензи Уоллэс, Россия, Спб. 1881 г. ч 2, стр. 170—171) Гегельянских воззрений держался, между прочим, А. Н. Шварц, бывший министром народного просвещения в России (Известия Общ. Арехол., Истории и Этнографии, т. XXX, в. 2, стр. 196).

[1]) Что касается Среднего Поволжья, то здесь значительную деятельность по изучению прошлого и современного состояния инородческого населения этого края проявило Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Но у него «ученых сил и денежных средств было мало, и успехи, естественно, были ограничены. Общество мало успело не только в области научных обследований, но и в описании памятников и особенно в записи живой старины. Масса произведений народного творчества, масса религиозных и

или других более или менее видных западно-европ. ученых [1]. Сетовать на них в этом случае не приходится, так как они были поглощены работою по изучению общерусских и общеевропейских научных вопросов [2]). Им было не до чуваш [3]). Но времена переменились, переменились и отношения живущих в России народов, ныне свободных и равноправных. Это сделала переживаемая нами Великая Революция. Она открыла глаза всем и показала, что на месте чуваш, черемис, вотяков и т. п. имеется не «пустое место», как полагали, [4]) а живые народы, достойные самого тщательного

исторических преданий, теперь исчезнувших, записаны лишь обрывками, неточно в фонетическом отношении, неполно. Теперь вырубаются последние священные рощи, забываются последние, весьма ценные, с исторической точки зрения, языческие молитвы, отражающие старое, частью первобытное, давно забытое европейскими народами миросозерцание» (Изв. Общ. Арх., Истор. и Этногр., т. XXX, в.2, стр. 195).

[1]) В результате такого отношения к делу, по откровенному заявлению Н. А. Бобровникова, получилось то, что мы «не можем предпринять никаких научных работ в области языкознания и этнографии (разумеется, Поволжья) без предварительной справки у западных ученых и в том числе у финляндских и венгерских» (Известия Общества Аохеологии, Истории и Этнографии при Казанском университете т. XXX, в. 2. стр. 195).

[2]) О характере и направлении, напр., «индоевропеистической лингвистики» академик Н. Я. Марр выражается оч. определенно и ясно. «Индоевропеистическая лингвистика, — говорит он, — лишь заменила на религиозных основаниях возникавшие деления человеческих об'единений лингвистическими, выделила индоевропейский круг языков и отдалась исключительному углублению сепаратного изучения индоевропейских народов и лишь тому, что имело очевидную, с точки зрения подготовки ее работников, связь с ними. Она перенесла на них, на индоевропейские народы, на индоевропейскую рассу, взгляд конфессиональной теологии на избранное племя, с своими разновидностями наполнявшее главным образом европейский мир». (Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры. Лейпциг. 1920 г., стр. 18).

[3]) Впрочем в медленном движении специальных научных работ по изучению Средне-Поволжского мира сказалось несомненное влияние культурной отсталости и медленности движения в области просвещения всей вообще России. (Изв. О. А. И. и Э., т. XXX, в. 2, с. 195).

[4]). Подобный образ мышления продолжает еще существовать среди высшей русской интеллигенции до сегоднешнего дня. Ярким образчиком такого мышления может служить тот „публицист с громким именем, сотрудник газеты, раньше имевшей исключителкное распротранение в б. русской империи“, который обратился к Н. Я. Марру „ с вопросом, не то с назиданием: Какой смысл изучать живой баскский язык, какой смысл тратить время на изучение каких-то никому неведомых языков Кавказа? Есть-ли на них Веды Wahabharata, как на санскрите, или иные важные для всего человечества творения мирового значения, как на греческом и латинском? Не правда-ли,—говорит Марр,—в ст XVIII, даже первой половиною XIX века...... Его смущает возбуждение научного, даже общественного интереса к баскскому и Кавказским языкам. Каков же будет его ужас,—продолжает великий лингвист нашего времени,—когда он узнает, что,

изучения. Не удивительно поэтому, что русский ученый мир не замедлил ими заинтересоваться и в отношении чуваш, дал уже такую работу, как труд Поппе, который является выдающимся после классических трудов Н. И. Ашмарина[1]). Что касается самих чуваш, то, по отсутствию среди них подготовленных людей и необходимых средств, они, конечно, ничего важного для выявления собственного самосознания сделать не могли и, вероятно, еще долго будут не в состоянии что-либо сделать. Правда, некоторые из них написали целые трактаты по истории чуваш, но они здесь как по вопросу об этническом происхождении чуваш, так и по мн. др. нередко являются жертвой недостаточной осведомленности или увлечения какой-либо односторонней тенденцией. Но и подобные работы имели свое значение, привлекая внимание к чувашскому миру.

Вопросом о происхождении чуваш, автор занимался из естественного желания занять в отношении его более или менее определенное положение.

Лично мы вопросом о происхождении чуваш занимались из естественного желания занять в отношении его более или менее определенное положение. Последнее было необходимо нам, как преподавателю, т. н., краеведческих предметов, т. е. чувашского языка, истории и проч. в таких учебных заведениях, как педтехникум и особенно рабфак, где мы занимались с первых

наконец-то, мы докатились до научного интереса к родственному, как казалось, с баскским и кавказскими чувашскому языку, в свете изучения которого и можно понять не только многие стороны примыкающего к нему ряда приволжских и более северных языков, но и весьма сложное возникновение русского племени, вообще городов Востчной Европы, где не мало своих ждущих исследования краеведов научных и общественных „баскских вопросов". (Научный Работник, 1925 г., кн. I. стр. 12).

[1]) „Н. И. Ашмарин,—говорить Н. А. Бобровников,—давно уже заслуженно пользуется репутацией первоклассного ориенталиста, специализировавшегося, между прочим, на изучении чувашского языка. Все работы Н. Ашмарина отличаются новизною замысла, богатством новых мыслей и замечательною простотою и ясностью изложения, так что читаются как романы. Если бы нам дождаться окончания печатания словаря чувашского языка, составленного г. Ашмариным, словаря, который профессор Деревицкий справедливо назвал thesaurus linguae tschuvaschorum, то мы имели бы первоклассный, многооб'емлющий по чувашскому языку труд. Впрочем, ученость Н. И. отнюдь не односторонняя, доказательством этого являются его работы: „Болгары и чуваши", а так же учебные книги и переводы, составленные им по поручению Переводческой Комиссии (при Казан. учеб. округе) на разных языках, между прочим, на языке аварском". (Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казан. универ., т XXX, в. 2, стр. 172).

моментов возникновения этого важнейшего образовательного учреждения, уделяя ему те немногие свободные часы, которыми располагали. О своих исторических наблюдениях мы должны сказать, что это были прежде всего наблюдения любителя, при чем мы не имели ни капли уверенности в том, что они дадут что-либо новое в этой области, тем более, что, кроме руских источников, в нашем распоряжении других не было, да и первые были не полностью. Настоящее собщение свое мы желали-бы рассматривать, как незначительную дань сочувствия к родному народу, который в переживаемый великий момент особенно нуждается в живом сочувствии, верном понимании и действенной помощи со стороны своих детей. Во всяком случае мы были бы чрезвычайно удовлетворены, если бы нам удалось внести хотя-бы один луч света в то крайне смутное и путаное состояние, которое наблюдается среди нас в отношении вопроса об этническом происхождении чуваш.

История вопроса. Вопрос этот имеет свою историю, которая великолепно изложена в вводной части труда Н. Н. Поппе, только что печатающегося в Известиях Академии Наук, под названием «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюрксим языкам», а также в небольшой статье В. Ф. Смолина под скромным наименованием «К вопросу о происхождении Камско-Волжских болгар». Из них мы видим, что касательно происхождения чуваш существует несколько теорий. Из них главнейшие: финская, тюркская и булгарская. Первая была высказана вскоре после разрушения Казанского царства еще противником Грозного Курбским [1]) и поддерживалась учеными Альквистом, Кастреном, Радловым, впоследствии переменившим свои взгляды, и др.; вторая, тюркская, высказана была голландцем Витсеном в 1692 г. и поддерживалась Страленбергом, Миллером, Шлецером, Шоттом и некоторыми др.: булгарскую теорию впервые высказал Татищев, затем татарский ученый Фейз-Ханов, его поддержал Н. И. Ильминский, развил Н. И. Ашмарин, к нему примкнули Радлов, Гомбоч, Катанов Н. Ф. и в самые последние дни Н. Н. Поппе.

Достаточность материалов для решения вопроса. Правильное решение всякого вопроса вообще требует значительных усилий по привлечению всех данных, относящихся к его существу. Нельзя

[1]) Н. Устрялов, Сказания князя Курбского. Спб. 1868 г., стр. 14.

сказать, что мы будем завалены обилием материала, пригодного для построения выводов по вопросу о чувашском происхождении, отличающихся документальною силою убедительности, но нельзя жаловаться и на скудость их. Нет, в настоящее время их более, чем достаточно, для того, чтобы дать не оставляющее сомнений решение постановленной проблемы. Сюда относятся данные из различных областей, каковы: язык, фольклор, этнография, история и антропология.

Данные языка и важность их в решении этнографических вопросов.

Воспользуемся прежде всего данными языка. Какова цена их? Язык одно из важнейших приобретнний человека и в обиходе жизни отдельных национальных групп человечества играет чрезвычайно важную роль, являясь созданием культурных усилий этих групп. „Не только наша судьба, но и наш облик, наша техника, наша речь есть создание самого человечества, как наше настоящее есть наше создание“, говорит Марр, один из выдающихся языковедов нашего времени[1]). «Язык—важнейший, хоть и не всегда решающий этнологический признак, об'единяющий людей в ясно очерченные группы», говорит другой, не менее известный профессор Браун[2]). «Язык есть не только форма духовного содержания нации, но сам составляет это содержание; не только ключ к сокровищам, но и сам сокровищница; если смотреть на него, как на оболочку, то это такая оболочка, которая всюду оказывается сросшейся с ядром, а лучше сказать, к ней применимо то, что Гете говорит о природе: она «ни зерно, ни скорлупа, а все зараз», говорит Отто Вильман[3]). Комментарии здесь излишни. Отсюда понятна важность языкового признака при решении этногенических вопросов. Разумеется, здесь могут быть всякие неожиданности и к фактам лингвистики нужно относиться крайне осторожно, но когда они принимают массовый характер и проникнуты принципом некоторой закономерности (напр. единством способа словообразования), то нет оснований отвергать их «историческое значение». На этом-то основании в решении нашего вопроса мы тоже не можем не придавать первостепенного значения данным языка[4]).

---

[1]) Н. Марр, стр. 14. [2]) Беседа, 1924 г. кн. 1, стр. 289. [3]) Отто Вильман, Дидактика, т. 2, стр. 120.

[4]) Заслуживают внимания взгляды Овсянико-Куликовскаго на язык, как а важнейший признак национальности. «Язык есть явление в одно и тоже

Разнообразие языков и неопределенность положения чувашского языка в урало-алтайском семействе языков.

Языки чрезвычайно пестры и разнообразны. По всему пространству земного шара, занятого человеком, раскинулось великое множество языков: до настоящего времени их зарегистрировано свыше 900. Но число это—условное, т. к. отчетливой границы, по словам проф. Брауна, между понятиями языка, наречия и говора нет. Тем не менее языкознание на основании сходства, наблюдающегося у одних наречий с другими, все существующие языки делит на несколько семейств. Одно из них составляет семейство, т. н., урало-алтайских языков. К этому семейству и относится наш чувашский язык. Но само это семейство распадается на несколько ветвей, каковы: самоедская, финская, тюркская, монгольская и тунгузско-манчжурская. Чувашский язык причислялся к группе или финской, или тюркской. Это мы видели выше.

Где же правда? Эту правду установил в самое последнее время, как уже сказано выше, Н. Н. Поппе. Оказывается, чувашский язык и не финский, и не тюркский, а составляет самостоятельное явление, как особая ветвь в урало-алтайском семействе языков. Это чувствовалось и раньше, но не ясно, вследствие недостаточной изученности предмета. Поэтому-то такие лингвисты-великаны, как Кастрен, Радлов, не решались ставить его в один ряд с тюрко-татарскими языками, а говорили, что это—нечто новое, возникшее на нетюркской почве. С этим утверждением первоначально согласен был и Н. И. Ашмарин, и только через 12 лет после появления первого своего труда—решительно примкнул к тюркистам.

время индивидуальное (т. е. принадлежащее личности, индивидууму) и коллективное, т. е. принадлежащее группе индивидуумов, именно той группе, которая называется нацией,—говорит он.—Язык есть важнейший признак национальности. Человек, родившийся от русских родителей, но с детства воспитанный во французской среде—так, что французский язык стал его родным языком, привычным органом его мысли, уже не может считаться русским: он принадлежит французской национальности, и для него, вместе с языком, французский склад мысли и творчества стал своим, родным, гармонирующим со всеми тайными струнами его личности. Ему сродни будет поэзия Гюго и Мюссэ, между тем, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков, Тургенев, Толстой останутся для него писателями иностранными, которых еще нужно уметь понять». Русская Мысль, 1896 г., кн. XII, стр. 7).

Существенные отличия чувашского языка от тюрко-татарских.

Итак какие особенности имеет чувашский язык в сравнении с тюркскими? Их много, перечислять все нет нужды. Остановимся только на крупнейших явленях. Прежде всего наблюдаем, что на чувашской почве тюрк З ⟶ в Р. Например:

чув. —	кӗр	кӗрӗ	ҫӗр	кăкăр	хӗрлӗ	хӗр
т.-тт. —	кўз	кўзўк	йўз	кöкўз	кызыль	кыз—
рус. —	осень	шнурок	сто	грудь	красный	девушка,

и друг.. Далее тюркское Ш⟶в Л. Например:

чув. —	хӗвел	кӗмӗл	алăк	ţул	хӗл
т. —	куйаш	кўмўш	эшик	таш	хиш
р. —	солнце	серебро	дверь	камень	зима.

Тако· расхождение наблюдается во всем звуковом строе чувашского языка, в то время, как между остальными тюркскими языками наблюдается почти полное звуковое единство. Затем в чувашском языке часто слово бывает двухсложным, когда соответствующее тюркское односложное. Например: чув. ухă (стрела), тюркотатар. од; йытă (собака), т.-т. ит; утă (сено), т.т.—от (трава) и т. д.

По внимательном изучении и рассмотрении всех особенностей чувашского языка, Н. Н. Поппе пришел к выводу, что считать чувашский язык диалектом тюркским невозможно, хотя он и имеет с ним чрезвычайно много общего.

Если чувашский язык не тюркский, то, м. б., он принадлежит к монгольской ветви уралоалтайского семейства? Сопоставляя его с монгольским, действительно находят общие черты сходства между ними, а именно: 1) соответствие чуваш. Р монг. Р в противоположность тюрко-тат. З. Напр. чув. пăру (теленок), монг. бiрагу, т.-тат. бузагы и т. д., 2) соответствие чуваш. Л монгольскому звуку Л в противоположность тюрк.-тат. Ш; напр. чув. тул (внешне) монг. туле. орхон. таш; чуваш. ţул (камень), монг. чiлагун, т.-тат. таш и т. д. Подобные черты сходства имеются и в некоторых других случаях, но во всем остальном чувашский и монгольский языки далеко расходятся между собою. Поэтому свести их к одному не возможно.

Очевидно, чувашский язык в семье урало-алтайских языков составляет явление самостоятельное. С другой стороны из приведенных сопоставлений мы видим, что когда в чуваш. и

монгольск. Л и Р, в тюрк. бывает Ш и З. Что отсюда следует? Отсюда открывается то обстоятельство, что Л и Р древнее тюрк. Ш и З и что, следовательно, не тюркские звуки З и Ш перешли в чувашском языке в Р и Л, но, наоборот, что звуки Р и Л перешли в тюрко-татарских языках в З и Ш [1]).

Это значит, что чувашский язык стоит в непосредственной близости к общему предку монгольского и тюркско-татарск. наречий, каковым является алтайский праязык, и, следовательно, он древнее ныне существующих тюрко-тат. наречий.

„По этим-то причинам мы,—говорит Н. Н. Поппе,—и не можем безоговорочно считать чувашский язык тюрко-татарским языком, не говоря уже о финно-угорском происхождении, которое даже в расчет итти не может[2])“.

Тождественность древне - булгарского языка с чувашским по их отличающим признакам.

Какой же народ древности является носителем языка чуваш, или, иначе сказать, с каким народом древности мы можем отождествить нынешних чуваш по языку? Оказывается, таким народом являются древние волжские булгары. Дело в том, что булгарский язык имеет с чувашским абсолютное тождество в том, в чем чувашский существенно отличается от тюрк.-тат. наречий, т. е. язык волжских болгар, как и чувашский, имеет Р там, где в тюрк.-тат. З, и Л там, где в последних Ш. Например:

булгарское: هير جال طحر
чувашское: хĕр çул (çол) тăхăр
т.-татар. хыз йаш тогуз и т. д..

Из этих примеров, кроме того, что в булгарском языке, как в современном чувашском, тюркским звукам З и Ш соответствовали Р и Л, мы видим еще то, что булгарские слова до тождественности сходны с чувашскими, но не тюрко-татарскими[3]). Это дает нам право сказать, что эти языки составляют одно наречие

---

[1]) Н. Н. Поппе. О родственных отношениях чувашского и тюркско-татарских языков. Чебоксары. 1925 г., стр. 8. [2]) Там же.

[3]) Сами булгары-чуваши действительно ясно отличали себя от тюрков, что подверждается сообщением космографа XIV столетия Димешки. Упоминая о паломничестве булгар чуваш в Мекку через Багдад, он приводит следующий случай. Димешки обратился к пилигримам с вопросом: какой они народ? и получил в ответ! мы—народ, родившийся между тюрками и

и что чуваши по языковому признаку суть потомки древних волжских булгар. Ближайшее ознакомление с оставшимся от булгар языковым материалом окончательно укрепит нас в этом утверждении. Материал этот сохранен в надписях, начертанных на могильных камнях древних булгар. Познакомимся с ними.

Булгарские могильные памятники и судьба их. На территории древней Булгарии, обнимающей все Среднее Поволжье, находится не мало могильных камней с арабскими надписями, особенно много было их на месте столицы этого государства. Чуваши и татары относились и относятся к ним с величайшим уважением, но русские люди из простонародья и деревенской полуинтеллигенции, если не питали к ним пренебрежения, то в лучшем случае смотрели на них с холодным равнодушием. Когда-же в с. Успенском приступлено было к постройке церкви, то строители церкви не задумались воспользоваться надмогильными памятниками, как строительным материалом. В фундаменте и стенах церкви, а также в полу не трудно заметить их в настоящее время. Они имеются и в бывшем монастырском погребе и в др. местах с. Булгар. Словом, русский человек не церемонился с булгарскими древностями. Со времени только Петра I эти памятники обратили на себя внимание, и их стали понемногу изучать, сначала ученые путешественники Западной Европы, посещавшие г. Казань, а за ними и под влиянием их и русские.

На всей территории древней Булгарии пока зарегистрировано около 100 памятников[1]).

славянами. Ответ, очевидно, не только географический, но и этнографический: булгары-чуваши отличали себя от тюрок также, как и от славян. Резкое отличие между ними отмечает и Абу-Абдаллах, посетивший Булгары в 1114 г., когда говорит, что «бесчисленные тюркские племена окружают эту страну». А. В. Риттих. Материалы для этнографии России. Казанская губ. Казань 1870 г., стр. 28.

[1]) «Император Петр I, во время персидского похода, заезжал посмотреть на эти развалины. Он пробыл здесь три часа. Высокая каменная башня, видневшаяся издалека, привлекла его внимание. По приезде сюда он вошел по 74 ступеням на верх этой башни и отсюда осматривал окрестности. Государь заметил, что эта башня, в $12^1/_2$ саж. высоты, давала булгарам все выгоды в военное время, потому что с вершины ее открывалась даль во все стороны, а это давало возможность булгарам предупреждать действия неприятеля. Петр объехал кругом вала, обращая внимание на все любопытное. Он оглядел четырехярусную башню, известную под именем Черной палаты, равно как Белую палату, с ее вычурною кирпичною архитектурою и фундаментом, имевшим форму креста,

Надписи на этих памятниках большею частью малоизящны, что говорит о том, что их сделали не особенно искусные руки. Но за то они заключают в себе богатый лингвистический материал в виде собственных и нарицательных имен, данных в формах чувашского диалекта.

Ученые, занимавшиеся их изучением. Чтением и расшифровкой их занимались многие ученые. Сюда относятся: Клапрот, Радлов, Березин, Фейзханов, Ильминский и др.. Но исчерпывающую дешифровку их дал Н. И. Ашмарин.

Клапрот прочитал 47 надписей, снятых в 1722 году во время пребывания в г. Булгарах Петра I, и перевел их на французский язык. Труд его, изданный в 1831 году, появился на русском языке в переводе Лепехина в „Дневных записках", и в переводе Эрдмана в „Заволжоском Муравье" в 1832 году.

Ил. Ник. Березин, казанский ученый, в 1852 г. сделал новрю дешифровку надписей в пределах прежних Казанской и Уфимской губерний. Чувашизмы встречаются у него в 33 надписях.

Петр указал не вредить построек древних, велел оковать высокую башню вверху железными обручами и перевести на русский язык эпитафии на памятниках. Екатерина II, во время своего путешествия, в 1767 г., по Волге, так-же посетила развалины Болгара и на месте убедилась, что указ Петра I о сохранении древностей не соблюдался. Осмотрев развалины, она с неудовольствием писала Панину: «Сему один гонитель Казанский архиерей Лука, который при покойной императрице Елизавете Петровне позавидовал и много разломал, и из иных плит построил церковь, погреба, и под монастырь занял, хотя Петра I указ есть, чтобы не вредить и не ломать сию древность». Посетившие в 1768 г.. Болгар академики, Паллас и Озерецковский, насчитывали в нем 44 развалины, но теперь нельзя уже насчитать их столько. Время наложило на все печать разрушения; удивлявшая всех высокая башня давно уже рухнула, остались ничтожные остовы зданий да груды камней под тонким слоем земли, поросшей крапивою и бурьяном. Разбросанные кучи мусора, следы рва и вала—вот что осталось от этой многолюдной столицы Болгарии, от этого некогда цветущего города, который Ференаш называл золотым троном (solium aureum). Скоро, быть может, плуг поселянина изгладит с лица земли и последние остатки, а полночный ветер разнесет и самую пыль их. Sic transit gloria mundi!» «Вид развалин Болгара может производить сильное впечатление на образованного и глубоко чувствующего путешественника. Свиньин, описавший в 1839 г. подробно развалины, им виденные, в таких словах выражает впечатление: «Можно-ли равнодушно смотреть на могилу обширной столицы народа, некогда богатого, могущественного? можно-ли без чувств, без размышления, видеть сии немые, скудные свидетельства его существования?» (Кудрявцев, В. Ф. Старина. памятники, предания и легенды Прикамского края. Вятка. 1897 год, стр. 23—24.)

Хуссейн Фейзханов в 1863 году дешифрировал две надписи из Симбирского и Тетюшского уездов, указав впервые, что в составе мусульманских надписей встречаются чувашизмы.

Г. Н. Ахмаров, известный археолог-палеограф, татарин по происхождению, скопировал надписи с камня, бывшего при Тетюшском полицейском управлении, с двух камней при дер. Ташбильге, с камня при деревне Атрась и с камня при дер. Ямбухтино, Тетюшского уезда.

Н. И. Ашмарин подверг тщательному пересмотру все прежние дешифровки, попутно разобрал надписи и вновь открытых камней. Результаты своей кропотливой работы он обнародовал в брошюре под названием „Болгары и Чуваши“.

Сущность эпитафий на булгарских могильных камнях и время, к которым они относятся.

О чем же говорят нам эти камни?

В надписях обычно приводятся изречения, взятые из священной книги мусульман „Корана“, отмечается имя погребенного лица, его отношение к оставшимся в живых родственникам, время погребения и т. д.. Все они написаны, как было сказано выше, арабскими буквами и на арабском языке. Но часто среди арабского текста оказываются не-арабские слова. Эти-то слова и оказались чувашскими, заключающими в себе имена личные и хронологические даты. Самая ранняя хронологическая дата в этих надписях значится 8 Зульхидже 696 г. Гиджры, т. е. 27 сентября 1297 г. по Р. Х., а самая поздняя—730 год Гиджры, т. е. 1329 г. по Р. Х. Итак эти памятники относятся к концу XIII и началу XIV столетия[1]). В следующие века на мусульманских памятниках Приволжья мы уже не находим никаких следов чувашизма, в употребление входит язык татар, сделавшихся господами края, начиная с 1438 года.

---

[1]) Необходимо отметить, что в пределах древней Булгарии имелись надгробные камни не только с арабскими, но с армянскими и другими надписями. По словам Татищева «в развалинах Богарда сысканы камни гробовые, подпись армянскую от Христа 557. 884. 886. имеющие, которые хранятся в Императорской Академии. Одну на Ахтубе нашли индейского письма с годом 13. а от чего не показано, мною,—говорит он,—владельца коего имя повреждено, что разобрать не возможно, токмо видно Арази 13. оная в 1743. послана в Кабинет.» (Татищев, История Российская с самых древнейших времен. Москва, 1773 г. Кн. II, стр. 403—404).

Список заключающихся в них чувашизмов.

Какие-же чувашизмы находятся на могильных камнях древних булгар?

В надписях, снятых в XVIII в. и в последующие годы, по чтению Н. И. Ашмарина, находим следующие чувашские слова:

هير—чув. хӗр (хӗ̆р), общетюрк. кыз «девушка, дочь». Слово это встречается на многих памятниках и на „Байглычевском камне", [1]) приложение № 1.

اول — чув. ул, ывӑл (ывыл) «сын». Встречается на многих камнях [2]).

بلوكى — чув. пелӗк, палӑк, (пӑлык), „знак, примета", «могильный столб», [3]) Слово встречается на нескольких камнях. Оно находится в венгерском и южно-славянских языках. В переводе Манассииной Летописи, составление которой относится к 1345 г., находится выражение о Цимисхие, что по занятии Переяславца (Irяслава), он «въземъ въся црскыя белегы». В об'яснение последнего слова Д. Ч. Чертков в своем исследовании этой Летописи говорит следующее: «Српскому рiечнику» Вука Стефановича (столб. 31) *бильега,* или *белега* значит: Kennzeichen, nota; по Иллирийским словарям: а) Stulli, 1,26: segnum, symbolum, scopus, indicium, в) Bellosténèz (1изд. стр. 14): signum, scop[illegible] meta, znamenye, pechat. Следовательно, это слово, у южных славен, употребляется и теперь вместо наших: знак, примета, знамение. Лев диакон говорит, что знаки царского достоинства, у болгар, состояли: 1) из шапки (тiары), обложенной пурпуром (багряницею) и украшенной золотом и жемчугом, 2) червленой одежды и 3) красной обуви». В сноске 152-м Чертков говорит, что Алексеев в Церковном Словаре (последнее изд. 1,114) болгарское слово белег об'ясняет только в одном значении: «*белег*, царский

---

[1]) Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши. Казань. 1902 г. стр., 76—78. Его-же, Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани, в Известиях Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казан. Университете, т. XXI, в I, стр. 106.

[2]) Н. И, Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 71.

[3]) Там же, стр. 72—73, 80.

ерлык, каковой давался ханами татарскими и за их подписью» и ссылается на Прол. авг. 2[1]).

جال (зал)=чув. çол, çул «год» [2]).

آبخ чув. ойăх, уйăх (оіых, уіых); тюрк aі «месяц» [3]).

كوان (куăн)--чув. кон, кун, тат. кöн «день»[4]).

ايرن чув. ерне, тат. атна, башк. азна «неделя» [5]).

ايرن كوان чув. ерне-кун [6]), тат. татар атнасы «пятница»[7]).

Далее надписи дают следующие числительные названия, вполне совпадающие с чувашскими:

иккĕ—2 [8]). тăваттă—4[9]).
пилĕк—5, к.—т. бiги, осм баги [10]). улттă—6[11]).
ситтĕ—7 [12]). сакăр—8[13]).
тăхăр—9 [14]). вун—10 [15]).
вунтваттă—[16]). вунпилĕк—15 [17]).
вунçиттĕ—17[18]). вунсакăр—18[19]).
вунтăхăр—19[20]). çирĕм—20[21]).
çирĕм тăваттă—24[22]). çирĕм пилĕк—25[23]).
çирĕм сакăр—28[24]). вăтăр—30[25]).
тăхăрвун улттă—96[26]). çĕр—100[27])

---

[1]) Д. Ч. Чертков. О переводе Манассииной летописи на славянский язык. Русский Исторический Вестник. Москва. 1843., т. УI, кн. I—II, стр. 117—118.
[2]) Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 73—74.
[3]) Там-же стр. 75,86. [4]) Там же, стр 86.
[5]) И. О. А. И. и Э; т. XXI, в I, с 109. [6]) Там-же.
[7]) Остроумов Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка Казань, 1876, стр. 91.
[8]) Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваши, стр. 85,89.
[9]) Там-же, стр. 91. [10]) Там-же, стр. 87,92.
[11]) Изв. О. А. И. Э. XXI, в. I, стр. 108. [12]) Ашмарин, Болгары и чуваши, с. 99.
[13]) Изв. О. А. И. Э XXI, в I, стр. 108. [14]) Болг. и чуваши, стр. 93.
[15]) Там-же, стр. 93. [16]) Там-же, стр. 87.
[17]) Там-же, стр. 88.
[18]) Болгар. и чуваши, стр. 88. [19]) Там-же, стр. 88.
[20]) Там-ж., стр. 93. [21]) Там-же, стр. 85.
[22]) Там-же, стр. 88. [23]) Там-же, стр, 91.
[24]) Там-же, стр. 91. [25]) Там-же, стр. 86.
[26]) Из во О. Э. И. XXI, в. I, стр. 108. [27]) Там-же, стр. 85.

ултҫӗр тӑхӑрвун улттӑ—696[1]).

ҫиҭ ҫӗр—700[2]). ҫиҭӗ ҫӗр иккӗ—702[3])

ҫиҭ ҫӗр тӑваттӑ—704[4]). ҫиҭ ҫӗр пилӗк—705[5]).

ҫиҭ ҫӗр улттӑ—706[6]). ҫиҭ ҫӗр ҫиҭҭӗ—707[7]).

ҫиҭ ҫӗр сакӑр—708[8]). ҫиҭ ҫӗр вунтӑваттӑ—714[9]).

ҫиҭ ҫӗр вунпилӗк—715[10]). ҫиҭ ҫӗр вунҫиҭҭӗ—717[11]).

ҫиҭ ҫӗр вунсаккӑр—718[12]). ҫиҭ ҫӗр вунтӑхӑр—719[13]).

ҫиҭ ҫӗр ҫирӗм 720[14]). ҫиҭ ҫӗр ҫирӗм иккӗ—722[15])

ҫиҭ ҫӗр ҫирӗм тӑваттӑ—724[16]). ҫиҭ ҫӗр ҫирӗм пилӗк—725[17]).

ҫиҭ ҫӗр вӑтӑр—730[18]).

Собственные имена, встречающиеся в надмогильных надписях.

Кроме вышеуказанных слов, на могильных надписях встречаются булгарские собственные имена, совпадающие с чувашскими-национальными. Имена эти следующие:

ممل—чув. Мамли[19]).

سوار — чув. Саваркка без уменьшительного окончания «кка-ка»[20]).

تمراج—чув. Тимреç, «Тимряç»[21]).

بكتمر —чув. Пиктемир, Пихтемир, Питтимӗр[22]).

احكى — чув. Ахкибей без «бей»[23]).

الباك— чув. Илпек, Илбак [24]).

---

1) Изв. О. А. И. Э. XXI, в. I, стр. 108.
2) Там-же, стр. 82,85.
3) Там-же, стр. 87,99.
4) Там же, стр. 99.
5) Там-же, стр. 88.
6) Там-же, стр. 96.
7) Там-же, стр. 97.
8) Там же стр. 101.
9) Там-же, стр. 97.
10) Там-же, стр. 88.
11) Там-же, стр. 88.
12) Там-же, стр. 90.
13) Там же, стр. 91.
14) Там-же, стр. 90.
15) Там-же, стр 85.
16) Там-же, стр. 91.
17) Там-же, стр. 91.
18) Там-же, стр. 86.
19) Ашмарин. Булгары и чуваши, стр. 75; срв. В. К. Магницкий, Чувашские языческие имена. Казань. 1905 г., стр. 55.
20) Ашмарин, стр. 76; Магниц., стр. 71.
21) Ашмарин. стр. 78; Магниц., стр. 82.
22) Ашмарин. стр. 83; Магниц, стр. 68.
23) Ашмарин, стр. 83, Магн., 30.
24) Ашмарин, стр. 84, Магн. стр.

صطلمش — чув. Сатăлмăш, Сатылмыш [1]).

بلغارى — чув. Пулхар, «Булгар»[2]).

ايرك — чув. Ирөккей без окончания «кей»[3]).

الطن برت — чув. Ылттăн Пĕрҫĕ [4]).

يلبه — чув. Елпе «Ельбə»[5]).

Поразительны эти данные. Если-бы, кроме них, мы ничего другого не имели, и то вправе были-бы сказать, что народ, оставивший нам эти словесные памятники, несомненно говорил на языке современных чуваш. Значит, чувашский язык является прямым продолжением языка древних булгар. В таком случае чуваши, как носители его, могут быть и должны быть признаны прямыми потомками их.

Именник булгарских ханов. Другим источником, из которого мы можем черпать лингвистический материал, необходимый для решения вопроса о происхождении чуваш, являются древности, оставшиеся от древних дунайских булгар. Сюда относится прежде всего, т. наз., «Именник булгарских ханов». Открыл его русский ученый Андрей Николаевич Попов. Занимаясь изучением и описанием южно-славянских летописей, он в 1866 г. находит в них небольшой отрывок, представляющий из себя родословие царей дунайских булгар.

Хорватский ученый Фр. Рачкий, занимавшийся его изучением, назвал этот отрывок «Именником булгарских князей древнейшего времени». Впоследствии такое название укрепилось за ним окончательно.

Вся важность и научная ценность этого документа состоит в том, что в нем обозначены природные имена булгарских ханов и на каком-то неславянском языке продолжительность жизни каждого из них. Если к данным Именника мы приложим данные

---

1. Ашмарин, стр. 85.
2. Ашмарин, стр. 93, Магн., стр. 34.
3. Ашмарин, стр. 95, Магн., стр. 45.
4. Ашмарин, Изв. О А. И. Э. т. XXI, в. I, стр. 107—108.
5. Ашмарин, Болгары и чуваши, стр. 77.

греческих и др. хроник, то в общем итоге получим около 40 или более древнебулгарских собственных имен.

Взгляд Куника на важность изучения собственных имен для решения вопроса об отношении чуваш к др. булгарам.

Из ученых никто до сих-пор не делал попыток сопоставления их с чувашскими именами, разумеется, потому, что в их распоряжении не было списка последних. О важности и необходимости такой работы высказался Куник еще 50 лет назад, справедливо полагал, что в собственных именах, заимствованных из недр природного языка [1]), можно усмотреть один из существенных признаков народности, не смешавшейся с другими. „Чем больше я вдумывался в отношение чувашей к вымершим камским болгарам, тем более убеждался . . . . . в том,—говорит он,—что когда-нибудь при помощи чувашского языка, равно как при пособии встречающихся еще и до настоящего времени в земле чувашей имен собственных и топографических названий, ученые внесут свет в область изучения древне-тюркского элемента, замечаемого у хагано-болгар на Дунае, у черных болгар на Кубани, у хазар и у других незначительных тюркских племен, известных нам почти только по одним русским летописям» [1]).

Природные имена чуваш и труды Магницкого по их собиранию.

В настоящее время природные имена чуваш удерживаются только у некрещеных чуваш, у крещеных же они почти совершенно вышли из употребления, да и у первых они постепенно вытесняются и заменяются христианскими. Здесь не в малой степени сказалось несомненное влияние указа Синода, коим некогда воспрещено было к христианским именам присоединять в виде фамилий языческие имена. Поэтому последние в изобилии встречаются только в документах и актах (гражданских и церковных), относящихся ко времени ранее этого указа. Для чуваш вместо фамилий служат их отчества, хотя отсюда часто происходят большие неудобства и недоразумения[2]), или же они произвольно принимают русские фамилии, большею частью громкие, например

---

[1]) Записки Академии Наук., 1879, т. XXXII, кн. 2, стр. 120—121.

[2]) Напр. в 1922 г. в одной д. Ядрин. у. вместо молодого дезертира Петра Максимова арестован был 70 летний старик Петр Максимов исключительно по недоразумению, вызванному единством их имен и отчества и незнанием милиционером чувашского языка.

Карамзин, Глинский, Морозов, Пушкин и проч. Вообще природные чувашские имена доселе были в большом загоне. Собрал и обнародовал их впервые В. К. Магницкий в сочинении под названием, „Чувашские языческие имена, Казань, 1905 год". Он при собирании имен пользовался гражданскими и церковными документами, а также записями чувашских учителей и грамотных людей.

Сопоставление чувашских и древне булгарских имен.

Рассмотрим об'единенный список древне-булгарских личных имен, заключающихся в Именнике и других источниках, в порядке русского алфавита, сопостовляя их с природными чувашскими, имеющимися в книге В. К. Магницкого или поныне употребляющимися у некрещеных чуваш.

1. *Авитохол*—имя легендарного правителя булгар. Оно среди чувашских имен у Магницкого не находится и, повидимому, сложное из Аби+Тохол, то и другое поныне употребляется у чуваш некрещеных: у Магницкого первое приведено в форме Абик.

2. Alzek, *Алцек*, [1])—имя пятого сына Куврата, соответствует чувашскому Алтик, Алтык, Алшик, Алших, «Алжик» [2]).

3. *Асень*, Asan, [3])—имя освободителя дунайских булгар от византийского ига, соответствует чувашскому Аççен «Асен, Асин» [4]).

4. *Баян*, *Боян*,—имя одного из булгарских предводителей, соответствует чуваш. „Буянка" (Пуйанкка) без аф. „ка" [5]).

5. *Безмер*,—имя булгарского правителя из рода Дуло. Марквартом и другими принимается за славянское и на этом основании строят целые исторические факты, но славянство его весьма промблематично и нельзя считать доказанным; вероятнее всего, оно сильно искажено в греческой, а затем и славянской передаче и, повидимому, принадлежало к роду имен с окончанием на „темер, тимир", напр. Питемер, Вастимир.

6. *Богор*,—так назывался князь булгарский, принявший крещение, у византийцев это имя пишется Богорис, Богорид, у Доб-

---

[1]) Д. Ч. Чертков, цитов. соч., стр. 57, 59.
[2]) Магницкий, цитов. соч., стр. 27.
[3]) Чертков, стр. 150—151.
[4]) Магницкий, стр. 30.
[5]) Чертков, стр. 57, Магницкий, стр. 35, Ашмарин, 57.

ровского--Борис, у Симеона Логофета--Gohor [1]), у Готфрида Богер [2]); оно соответствует чувашскому Пъхър, что значит медь.

7. *Боритакан* [3]). т. е. Боритахан,— имя наместника Борисова в Белграде, чуваш. „Борытай“ [4]) + хан.

8. *Владимер* [5]), Маламир, Маломир—имя Омортагова наследника, чув. «Алтимер», [6]) «Вайтимер» [7]), Валтимер—языч. имя, встречающееся у чуваш-язычников по сие время.

9. *Ватвай* или Bathaias [8])—имя старшего сына Куврата, чуваш. Ватхай [9]).

10. *Вокиль*, Укиль—родовое имя некоторых булгарских правителей, тождественно с чувашским «Окиль» [10]).

11. *Винех*, или Savinos, [11]) Сабин,[12]) или, наконец, Совинех [13])—имя булгарского хана, который, боясь придворного переворота, бежал в Константинополь и отдался под покровительство византийского императора. Этому имени соответствует чуваш. «Савин» [14]), Савинек.

12. *Вихтунь* [15])—родовое имя булгарских ханов, заменивших род Дуло. Оно совпадает с чувашским «Пиктуней», «Биктуней» [16]), или Бихтуан [17]).

13. *Гостун*—имя наместника булгарского хана,—чув. «Каçтук», Кастюнка [18]).

---

[1]) Чертков, стр. 99, прим. 111.

[2]) Татищев, История Российская, кн. 1, стр. 26.

[3]) Проф. А. Л. Погодин. История Болгарии. С. Петербург. 1910 г. стр. 27.

[4]) Магницкий, стр. 34.

[5]) Погодин, цитов. соч. стр. 16.

[6]) Магницкий, стр. 26.

[7]) Магницкий, стр. 35.

[8]) Чертков, стр. 57.

[9]) Магницкий, стр.

[10]) Магницкий стр. 64.

[11]) Чертков, стр. 57.

[12]) Там-же стр. 817.

[13]) С. П. Шестаков. Лекции по истории Византии. Казань. 1915 г., т. I, стр. 414.

[14]) Магницкий стр. 71.

[15]) См. приложение.

[16]) Магницкий, стр. 34.

[17]) Ашмарин, 62.

[18]) Магницкий, 50.

14. *Диценъ,* Ditzenqus,—имя одного из князей, владевших Булгариею после Крума [1]). Оно, повидимому, соответствует чув. «Тихтен» [2]), Тихтенке.

15. *Дукум,* Daucomus [3])—имя одного из малоизвестных булгарских царей после Крума [4]) и, возможно, совпадает с чувашским «Тиким» [5]).

16. *Дуло*—родовое имя булгарских владетелей,—чув. «Толи» [6]).

17. *Енравот*—имя одного из Омортаговых сыновей, преданного смерти Валтимером за принятие христианства [7]), видимо, сложное Енра+вот, в таком случае первой части соответствует чуваш. «Анрай» [8]), а вот (вут)—огонь.

18. *Ерми* [9])—третье родовое имя булгарских владетелей, находит соответствие в чувашском «Ярми» [10]), Йерми.

19. *Звоница* [11])—имя Омортагова среднего сына, вероятно, подверглось сильной славянизации и, может быть, соответствует чуваш. «Савăнҫи».

20. *Ирник*—имя одного из булгарских ханов из рода Дуло, чув. «Иреняк» [12]), Иренек.

21. *Исперих,* Аспарух—имя третьего сына Куврата [13]), без афикса „их-ух"—Испер, Аспар, чуваш, «Еҫпер» (Эсьпер), «Ишпарай», [14]) без афф. „ай", «Ашпарс» [15]) и «Ешпарс» [16]) «Испарай», [17]) «Испарс», [18]) «Ишпар», [19]) «Ишпарс», [20]) «Ишпарай, Ишпарис» [21])

22. *Ивачь*—имя одного булгарского полководца, у Магницкого не находится, но у чуваш оно употребляется и по сие время в виде Иваҫ (Ивась), напр., в деревне Избеби Цивильского у. так зовут крестьянина Игнатия Ложкина.

---

1) Чертков, 95. Прим. 106, Шестаков, 420.
2) Магницкий, 82
3) Чертков, 95.
4) Шестаков. 40
5) Магницкий, 82. 6) Магн., 81.
7) Погодин, стр. 16.
8) Магницкий стр. 23.
9) Чертков, 77—78.
10) Магницкий. 100.
11) Погодин, стр. 16.
12) Там-же 46
13) Куник и бар. Розен, Известия Альбекри, стр. 134—135; I. В. Bruy Хронологический циклбулгар; Казань, 1912 г., стр. 50—52
14) Магницкий, стр. 9.
15) Магницкий, 31.
16) Магницкий, 41.
17) Магницкий, 47.
18) Магницкий, 37.
19) Магницкий, 47.
20) Магницкий, 48.
21) Магницкий, 48

23. Кампаган—имя одного из первых предводителей дунайских булгар [1]), сложное из Хан+Паган [2]), у Магницкого «Багень, Багеней» [3]) и «Пагеней» [4]).

24. Кардам—имя булгарского хана, избранного на престол после Церига и ведшего счастливые войны с греками [5]), м. б., соответствует чув. „Кардай“ [6]).

25. Кормисошь, Кормесиос [7]), Кормес [8]),—имя одного из бул. царей. Н. И. Ашмарин производит его от «кĕрĕм—кӧрӧм» молодец, молодой парень, и димин. афф „еç“ [9]), но, вероятнее всего, оно соответствует чувашскому «Кормишка» [10]) без афф. „ка“, «Курми, Курмуш и Курмушка» [11]).

26. Котраг [12])—имя второго из сыновей Куврата, чуваш. «Кутрюк, Кутря» [13]), «Катряк» [14]), «Котряк» [15]).

27. Кракр—имя храброго и искусного защитника крепости Перник [16]), у Магницкого не находит сближения.

28. Критагун, Crytagon, или Мортагон, Mutrago, Mutragon [17]), Омортаг, Омуртаг—имя „высокого хана“ [18]), сложенное из «Крита» +хун (хан), подобно Майрахун, Майра—хан (князь), презрительное название мужчины, слабо проявляющего себя в делах и мыслях (в дер. Избебе, Цивильск. у.); у Магницкого значится «Крыта» [19]). Что касается имени «Мортагон», то она тоже сложное= Морта, у Магницкого «Мурти» [20]) и+хун (хан). Омортаг (Омуртаг) видоизменена «Мур-» и+аффикс «ак», который весьма употребителен в именах. Например: Танкăлтак, Мамăлтак, Уртиҫак и т. д.

29. Мокр—имя болгарского царя [21]), у Магницкого не находится, но у некрещеных чуваш имеется «Мăкăр=Мӧкӧр».

---

1) Чертков, 57.
2) Ашмарин, 58.
3) Магницкий, 31.
4) Магницкий, 65
5) Шестаков, 419,
6) Магницкий, 50.
7) І. В. Вигу. Хронологический цикл булгар. Казань, 1912 г., стр. 31.
8) Чертков, 57, 81.
9) Ашмарин, 63.
10) Магницкий, 52.
11) Магницкий, 54.
12) Чертков, 57—58.
13) Магницкий, 54.
14) Магницкий, 50.
15) Магницкий, 53.
16) Чертков, 128, 139.
17) Чертков, 57, 94.
18) Шестаков, 420.
19) Магницкий, 53.
20) Магницкий, 59.
21) Татищев, I, стр. 210.

30. Крум—имя преемника Кардама [1]), у Магницкого «Хром» [2]).

31 Курт—Куврат, Купрат, Кробат, Кроват [3]), Хурбат,—имя предводителя булгар, освободителя их от аварского ига [4]), чув. «Курти» [5]).

32. Орган—имя повелителя унугундуров-булгар [6]), повидимому, сложное из Ур+хан, соответствует чув. «Орхам» [7]), ибо переход Н в М обычное явление в чувашском языке,—«Орханя, Орхонь, Орхонка, Орхуня» [8]).

33. Ослан [9])—чув. Услан, Усланка.

34. Персиян, Пресианос—имя преемника Валтимера, или Маламира [10]), чув. «Просин» [11]), «Верженъ, Верзень» [12])

35. Севар [13])—чув. «Саварей» [14])=Савар+ей, или «Сюверей» =Сювер+ей, подобно Ахманей, Сугей и т. д.

36. Телец, Телезий [15])—имя хана, проигравшего битву при Анхиале и убитого подданными, соответствует чуваш. «Телеш» [16]).

37. Тервель, Тарбел, Tervelis, Тарбег [17])—имя одного булгарского вождя, Тарвель или Тарбель, очевидно, сложное из Тер и+бел, как и Тарбег из Тар+бег (бек), чуваш Тербика [18]).

38. Токта—имя одного из первых предводителей дунайских булгар [19]), чув. «Тохтай, Тахташ» [20]).

39. Угаин — имеет сходство с «Уганей» [21]), «Охинь» [22]), «Охан» [23]).

40. Умор [24]), Умар [25]) — имя заместителя Сабина, чув. «Умер» [26]).

41. Церик, Tzeriqus [27])—имя победоносного хана дунайских булгар, чув. «Серек, Серик» [28]).

---

1) Чертков, 57, 81—91.
2) Магницкий, 91.
4) Так же.
3) Чертков, 58.
5) Магницкий, 54.
6) Златарский, История булгар.
7) Магницкий, 63.
8) Магницкий, 63.
9) Ашмарин, 66
10) Погодин, стр. 17.
11) Магницкий, стр. 69.
12) Магницкий, стр. 36.
13) Ашмарин, 62.
14) Магницкий, 71.
15) Шестаков, 44.
16) Магницкий, 79.
17) Чертков, 57, 81.
18) Магницкий 84, Ашмарин, 63.
19) Чертков, 57.
20) Магницкий, 81
21) Магницкий, 86.
22) Магницкий, 88.
23) Магницкий, 64.
24) Шестаков, 415.
25) Чертков, 57
26) Магницкий, 88.
27) Чертков, 57, 78, 182.
28) Магницкий 75, 76.

42. Цок, Tzocus [1]), Tzocos [2]), Tykos [3]) — имя одного из малоизвестных ханов, правивших после Крума, чув. «Тока» [4]).

43. К этим именам можно присоединить имя „Сядък“, отмеченное Иречеком, как булгарское, которое вполне совпадает с употребляющимся поныне у чуваш (некрещеных) именем Çатăк, Сăдӧк.

Таким образом, мы наблюдаем полное тождество природных чувашских имен с древне булгарскими, оставшимися от дунайских булгар и отмеченными в различных старинных документах. Подобное явление, носящее не случайный характер, может быть об'яснено только единством происхождения чуваш от булгар и общностью их жизни в древнейшее время.

Но Именник булгарских ханов, кроме личных имен, имеет еще ряд слов, которыми обозначается продолжительность жизни каждого из ханов. Сюда относятся:

1. Дилом твирем	5. Текоучитем твирем	9. Сомор алтем
2. Дохъс твирем	6. Дванъш ехтем	10. Дилом тоутом
3. Шегор вечем	7. Тох алътом	11. Шегор твирим.
4. Верени алем	8. Шегор алем	

Многие ученые лингвисты и историки пытались об'яснить эти непонятные слова. Гильфердинг, Иречек, Куник, Радлов, Геза, Куун, Бьюри, Златарский, Микколя, имена которых мы должны знать, потратили не мало усилий на это и написали по этому вопросу целые трактаты. Почти все они согласно утверждали, что мы здесь имеем дело с числами. К счастью одна надпись Омортага на греческом языке, найденная в 1905 году в Чаталаре, близь г. Преславы, и изданная Успенским в публикации Абобских раскопок, пришла на помощь. Эта важная плита о времени основания Преславы выражается следующим образом ïтодеокеросотапектíстïнбугарïстïсïгорелемгрíкiстiiндiктiонос ie. Это значит по-русски: «время же, когда было строение, по

1) Чертков, 9?, прим. 106.

2) Шестаков, 420.

3) Там же; См. А Куник, Записки Имп. Академии Наук, т 32, кн. 11 стр. 137.

4) Магницкий, 84.

булгарскому счислению сигорелем, а по греческому индикта 15» [1]. Индикт — это пятнадцатилетний период, или цикл, в течении которого римляне три раза собирали дань с побежденных; отсюда введенный в 312 году Константином В., в память победы над Максенцием у Мальвийского моста, цикл 15-летнего исчисления вместо олимпиад, был очень употребителен в средневековых хронниках [2]). Очевидно, и загадочные термины Именника относятся к цикловому счислению. Микколя это выяснил в достаточной степени [3]).

Оказывается, булгары испокон века вели свое летоисчисление по лунным годам, разделяя их, подобно китайцам, на особые циклы, из которых каждый состоял из определенного количества годов, отличаемых друг от друга названиями животных, возможно совпадавших с древне-тюркскими. У последних цикл состоял из 12 годов и 1-ый год 12-летнего цикла назывался—мышь,

2 ой	,,	,,	,,	корова,
3-ий	,,	,,	,,	барс,
4-ый	,,	,,	,,	заяц,
5-ый	,,	,,	,,	дракон,
6-ой	,,	,,	,,	змея,
7 ой	,,	,,	,,	лошадь,
8-ой	,,	,,	,,	овца,
9-ый	,,	,,	,,	обезьяна,
10-ый	,,	,,	,,	курица,
11-ый	,,	,,	,,	собака,
12-ый	,,	,,	,,	свинья.

Дешифровка булгарских циклических названий встречает очень много затруднений, проистекающих от того, что булгарские слова в Именнике несомненно переданны неправильно, подвергшись сильной славянизации, с одной стороны, и простому недосмотру и небрежности списывателя, с другой. В подтверждение сказанного достаточно указать хотя бы на тот факт, что одни и

---

[1]) Ї. В. Bury, 3—4.

[2]) Первый и пятнадцатый индиктион были первым и последним годом в кругу 15-ти лет. Этот метод счета большею частью вытеснил все прочие даты и в письме и устаной беседе. Первый индиктион обыкновенно считается с 1 сентября 312 года. С. П. Шестаков. Лекция по истории Византии, Казань, 1915 год, т. 1. стр. 202

[3]) Изв. О. А. И Э., т. XXIX, в. 4.

те же циклические названия годов в этом документе пишутся двояко, например: „твирем“ и „твиримь“; „алтом-алтем“ [1]). Поэтому-то Н. Н. Поппе рекомендует к этому материалу относиться с большой осторожностью. Он говорит: „Булгарский Именник содержит ряд совершенно *искаженных* и *невосстановимых* форм. Это необходимо иметь в виду и лучше отказаться вообще от сопоставления форм Именника с нынешними чувашскими и от исторических построений на основании этого лишь материала“ [2]).

Тем не менее, среди этих циклических названий годов он находит чувашские формы, „сомнений невозбуждающие“ и „менее всех сомнительные“. К первой группе он относит „шегор“, чув. въкър, ъкър—бык, корова; дилом, чув. ҫӗлен—змея; ко второй группе: вечем—чув. „виҫӗм“—третий; тутом-чув. „тăватăм“—четвертый; твирем—чув. „тăххăрăм“—девятый [3]). Таким образом, в непонятных с первого взгляда словах Булгарского Именника вскрываются чувашские слова, хотя и в чрезвычайно искаженном виде.

Чувашизмы в славянском языке дунайских булгар. Далее необходимо отметить и то обстоятельство, что в современном славянском наречии дунайских булгар имеются как отдельные слова, так и некоторые грамматические формы, об'ясняемые исключительно из чувашского языка. К таким словам относятся, например: пашеног—свояк=чув. пуҫана (пуяна); белег-знак, памятник=чув. пелӗк; кабаш—модел, фигура=чув. капаш (кабаш), тойага—палка=чув. туйа и др.

Наконец, есть еще один литературный источник, который заключает в себе, кажется, не более двух элементов из булгарского языка и мимо которого однако пройти нельзя, это русские летописи. В них встречаются два слова: «Бохмит» и «трунове», из которых первое представляет из себя обулгаризированное имя „Мухаммет“, а второе—тюркское название должностных лиц „тудун“ (наместник) в русской передаче. Их чувашский характер точно

---

[1]) Что касается греков, то известно, что они имели весьма ограниченную способность выражать звуки чужого языка как в вокальном, так и в фонетическом отношениях. (В. Н. Семенкович. Гелоны и мордва. в Записках Московского Археологического Института, т. XXVII, вып. стр. 204).

[2]) Известия Российской Академии Наук. 1924 г., стр. 298.

[3]) Там же, стр. 298.

установлен. Дело в том, что в чувашском языке, как отмечено было выше, существует «стремление изменять некоторые звуки в звук Р» [1]). В отношении звука *З* мы это видели, тоже бывает с *Д* «в положении между гласными и в конце слова» [2]). Например: старо-турецкое, уйгурское д→чувашское Р в таких словах, как йар—ыд (посылать), ура—адак (нога), и в приставках: рам—дым, ра—да, ран—дан [3]). Это явление мы и наблюдаем в передаче тюркского „тудун" в виде „тăрăн". Таким образом здесь мы имеем новую иллюстрацию тождества современного чувашского языка с древне-булгарским.

Итак лингвистический материал, оставшийся в памятниках булгарской древности и в славянском языке современных дунайских булгар, несомненно, подтверждает общность древне-булгарского языка и современного чувашского.

Краткие исторические сведения о венграх и чувашизмы в их языке.

Третьим важнейшим и богатейшим источником языка волжско-камских булгар служит язык нынешних венгров. Но прежде, чем перейти к их рассмотрению, нам необходимо сделать небольшую экскурсию в область древнейшей истории этого народа.

Мад'яры или угры, позднее венгры,—народ урало-алтайской семьи, ближайшие родичи финнов-угров. Геродоту они известны, по словам Геддона, под именем йирков или юрков и жили за Уралом, на границе леса и степи. Губернии Тобольская, Пермская, Уфимская, Вятская—прародина угров. В это время венгры не выделялись из общей семьи угров так резко, как в настоящее время: орудия охоты и рыбной ловли, этих главных и основных занятий того времени, носят у них общие финно-угорские названия.

Отходя под давлением соседей с севера и востока, они оставили на месте старинного жительства часть своей основной массы,

---

[1]) А. А. Шахматов. «Заметка об языке волжских булгар» в Сборнике Музея Антропологии и Этнографии при Академии Наук. Петроград, 1918 г., т V, вып. I, стр. 395.

[2]) Н. Н Поппе, «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языках» в Известиях Российской Академии Наук, 1924 г. стр. 324.

[3]) А. Самойлович, „Турун-тудун" в Сборнике Музея Антропол. и Этнограф 1918 г., т. V, вып. I., стр. 399.

которая доныне существует по обе стороны Урала под именем *вогулов* и *остяков*, но отошла несколько к северу от прежнего местожительства. Угры продвинулись сначала в область между Волгою и Уралом. Здесь-то, видимо, они образовались в особый народ, состоявший из семи племен, которые кочевали всегда вместе, под предводительством одного и того-же вождя. В это-то время народ этот оказывается под сильнейшим влиянием какого-то сравнительно культурного народа, который говорил на чувашском языке. У этого народа венгры заимствовали знания скотоводства и первые понятия о земледелии; через них венгры познакомились со многими плодами и вином, с разными хозяйственными орудиями и домашней утварью; наконец, у него же взяли слова для выражения некоторых нравственных представлений и отношений. Трудно сказать определенно, как долго продолжалось непосредственное соседство и житейский контакт у этих двух народов: установить здесь точные цифры невозможно за отсутствием документальных данных; но, судя по прочности и богатству языковых заимствований, можно сказать решительно, что общение между ними тянулось не одно, а много столетий ранее IX века нашей эры. Но, как бы то ни было, венгры в конце концов под напором печенегов, гонимых в свою очередь узами (торками) и половцами, вынуждены были оставить насиженные места и двинуться через Волгу на запад и здесь очутились на территории хазар, в пределах р. Дона и, может быть, притока его Маныча. Печенеги в это время занимают степи между Уралом и Волгой. Этот момент зафиксирован у Константина Багрянородного, который говорит, что «пацинакиты (печенеги) жили у рр. Атиля и Еика (Урала), а их пограничными соседями были мазары (мадьяры) и узы». Между тем события идут своим чередом. По словам Константина, хазары соединились с узами против печенегов и изгнали их из их жилищ, которые заняли узы. Изгнанные из своих жилищ печенеги искали себе новых жилищ, с этой целью они пошли войной против мад'яр и победили их. Побежденные угры передвигаются к западу от Дона и оседают около 830 года в местности, называемой Лебедия, где-то между Доном и Днепром. Новый натиск печенегов—и венгры отходят еще дельше, минуют Киев, что отмечено русской летописью, и задерживаются на этот раз несколько доль-

ше в местности, называемой Ателькуза (Атăл-Куçĕ—междуречье). Таким образом, в промежуток 830—892 годов венгры—господа южно-русских степей. Последняя неудачная борьба с печенегами заставляет угров-мадяр перейти Дунай. Там, в долинах Среднего Дуная и Тиссы, они основали свое государство под именем Венгрии, существующее доныне. [1]) Такова вкратце древнейшая история народа, язык которого сохранил в себе богатейшие заимствования, представляющие вид чистых чувашизмов.

Сомневаться в их чувашском происхождении совершенно не приходится, так как они заключают в себе ту специфическую особенность чувашского (и его предка древне-булгарского языка), которою он резко отличается от остальных наречий урало-алтайской семьи языков. Она состоит в том, что вместо обще-тюркского З булгарский и чувашский дают Р, вместо Ш—Л. Это мы отметили выше и потому нет необходимости останавливаться на этом долго, скажем только, что здесь ошибки, в смысле смешения тюркских и чувашских элементов, не возможны.

Они собраны и обстоятельно изучены Гомбочем. Список их по Гомбочу дает более 250 чувашских слов. Приведем некоторые из них:

1) Ака-плуг,
2) Ҫурла-серп,
3) Выр-жать,
4) Хăмăл-жнивье,
5) Капан-скирд,
6) Тыр-хлеб (злак),
7) Урпа-ячмень,
8) Улăм солома,
9) Улма-плод, яблоко,
10) Сухан-лук,
11) Хăмла-хмель,
12) Кантăр-конопля,
13) Арман-мельница,
14) Авăр-молоть,
15) Сăвăр-веять,
16) Хăрăм-сажа,
17) Хăта-сват,
18) Тӳре-судья, начальник,
19) Кађака-коза
20) Ĕне-корова
21) Пăру-теленок,
22) Сысна-свинья
23) Тына-телка
24) Вăкăр-бык,
25) Ђăхă-курица,
26) Ђăкăт-сыр,
27) Сăран кожа,
28) Кĕмĕл-серебро,
29) Сум-деньги,
30) Валак - жолоб,
31) Вăрçă-война, сражение и т. д.

О чем же говорит этот длинный список венгерских чувашизмов? Какой вывод мы можем сделать из него? Он дает нам право утверждать, что венгры, как было сказано выше, действительно некогда находились под влиянием народа, говорившего на

---

[1]) А. Геддон. Переселение народов. Петроград, 1923 г., стр. 62, 64.

чувашском языке, знавшего скотоводство, земледелие, домоводство, словом, народа, стоявшего на значительно высокой ступени культурного развития. Кто же этот народ? Кроме булгар некому быть, так как только они в то время выделялись своей культурой среди других народов Поволжья и язык их был, как мы видели, тождествен с чувашским. Этому не противоречит и древнейшая история мад'яр, ставящая их в более или менее продолжительное и непосредственное соседство с булгарами. Это тоже мы видели. Наконец, есть прямое свидетельство, подтверждающее этот некогда существовавший между этими народами исторический контакт. Восточный писатель IX века Ибн-Росте (Ибн-Даста) говорит: „между землею печенегов и землею эскель-булгар лежит первый из краев мад'ярских“ [1]). Таким образом точно устанавливается источник, откуда делались венграми заимствования в виде чувашизмов, это—волжские булгары. Если так, то мы, очевидно, имеем полное право весь запас этих чувашизмов отнести к тому запасу чувашизмов, какой остался от древних булгар в виде надписей на могильных памятниках. Общая сводка их дает нам такой значительный по количеству и веский по качеству материал, что мы с принудительной необходимостью должны прийти к выводу, что древние булгары по языку были несомненными чувашами.

Это подтверждается также обильнейшим присутствием чувашизмов в языках народов Пермской группы. Трудами финских ученых, каковы Вихман (Wichmann), Рессенен (Räsänen) и др. установлено, что чувашские слова имеются в языках не только вотяков с черемисами, но и пермяков, и зырян, издревле соседивших с булгарами. А. Ф. Теплоуховым в самое последнее время установлен интересный факт весьма значительного распространения в Волжско-Пермском крае чувашских собственных имен среди живущих здесь туземцев [2]). Приводить те и другие здесь не позволяет нам ни место, ни время. Но отметить все этот необходимо, как имеющее само по себе важное значение. На эту сторону дела обратил свое внимание уже Н. И. Ашмарин. „Этот факт,—заявляет он,—с одной стороны говорит нам о древности заимствования, с

---

1) Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши. Казань, 1902 г., стр. 38.

2) Записки Уральского Общества любителей естествознания 1924 г., т. XXXIX, стр. 96—97.

другой же, свидетельствует о довольно высоком развитии и широкой области влияния, принадлежавших народу, передавшему свои культурные приобретения окружавшим его племенам“ [1]). Мы знаем, что таким народом на Средней Волге в древности могли быть только одни волжские булгары и больше никто.

Арабизмы и персидцизмы в чувашском языке.

Это положение находит себе подтверждение, наконец, в том, что чувашский язык богат арабизмами и персидцизмами. Длинный список их, составленный случайно и отрывычно, заключает в себе около или более 100 слов [2]). Вступление в язык инородческих элементов создается на почве социально-исторических явлений: длительных торговых сношений, завоеваний и т. п. Поэтому историческая наука нередко пользуется ими, как особого рода ключем, для об‘яснения культурно-исторических моментов и явлений в жизни народов. Самое вступление иноязычных элементов совершается обычно двумя путями: непосредственно или через посредство других. В первом случае заимствования часто в устах воспринимающего народа сохраняют свою натуральную чистоту, во втором случае они вступают в новую область с искажениями, полученными в языке-посреднике. Уже Н. И. Ашмарин отметил [3]), что арабские и персидские слова, перешедшие в чувашский язык, нередко удерживают более правильную форму, чем те же самые слова в казанско-татарском наречии. Например:

арабс.	حالا	عار (стыд)	حرام	هوس (желание)
чуваш.	халĕ	харсăр	харам	хавас
тат.	äле	äрсез	äрäм	äўäт
рус.	теперь	смелый	бесполезный	охотник, склонный (к чему)

арабс.	حق	حساب	وقت	حاضر
чуваш.	хак	хисеп	вăхăт	хатĕр (хаŷăр)
тат.	как	исäб	багыт	äзер
рус.	цена	счет	время	готов

[1]) Изв. О. А. И. Э., т. XXI. в. 1, стр. 97.

[2]) Отчет Общества изучения местного края Чувашской Автономной Области за 1921—1923 г. г., Чебоксары, 1924 г., с. 18.

[3]) Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань. 1898 г., стр. 102.

персид. بها هر (کس)
чув. хар кам паха
тат. äр кем бäjá
рус. каждый ценный.

Кроме того, среди чувашских арабизмов и персидцизмов есть такие, каких в татарском языке вовсе не имеется, несмотря на то, что последний уже в течение нескольких столетий находится под сильнейшим влиянием арабской культуры и языка. Ясно, проникновение арабизмов и персидцизмов в чувашскую речь совершалось, прямым, непосредственным путем, а не через область татарского языка, как думали некоторые.

Это несомненно свидельствует о том, что чуваши когда то находились под сильнейшим и непосредственным влиянием восточной культуры. Время это, очевидно, относится к глубокой древности, так как в сознании чуваш нет даже слабого намека о том, что арабизмы или персидцизмы суть заимствования. Единственный момент, когда насаждалась арабская культура на Средней Волге и существовали самые оживленныя сношения этого края с Востоком, момент, который отмечен историей, как не подлежащий сомнению факт, относится ко времени ровно за 1000 лет тому назад. Это—время царя Алмуса, когда с 922 года началось введение и насаждение среди булгар арабской культуры и веры посредством школ и мечетей и имели место широкие торговые сношения с персами и армянами. [1])

„Арабские и персидские слова не могли войти в чувашский язык в период с XVII ст.,—говорит Риттих,—и если они усвои-

[1]) Татищев по этому вопросу высказывается совершенно определенно. «*Болгары Бахмуты*,—пишет он в своей Истории,—по следствию разумеет (Нестор) болгар вольских махометан и как сии купечество на восток в Персию и до Индии отправляли (гл. 25. № 15. и 34), то не трудно им было махометанской закон иметь, яко в 13 сте уже в Болгарии и у половцев закон махометанской или срацинской был, для которого бывшие тамо римские монахи болгаров вольских и команов или половцов иногда срацинами именуют Карпени Арт. V; Рубрукис гл. 21. И сей удивляется, как оной закон махометанской в Болгары вольские зашел, татар же тогда на Волге не было, а пришли в 1230 году, по Карпеину в 1222 и болгарами овладали, но и татары закон мохаметанской в 300 лет после онаго приняли, как в Истории их руской сказуется, между ими же (булгарами) чаятельно были не мало и армян; ибо в развалинах Богарда сысканы камни гробовые подпись армянскую от Христа 557, 884, 886 имеющие. Татищев, кн. 2, стр. 403—404, пр. 173.

лись прежде, то, вероятно, потому, что чуваши в своем языке не могли найти уподобляющего выражения, а это может случиться исключительно при сношениях с народом более развитым, от которого заимствуются чужие выражения. Следовательно, чуваши имели сношения с арабами и персами, когда те еще торговали на Волге, т. е. с VII—X столетие. Эта же примесь доказывает, что они не могли притти из Азии вместе с монголами в XIII ст., так как у тех в то время не было в употреблении ни арабского, ни персидского языков, при чем только первый получил некоторую гражданственность в казанско-татарском наречии с принятием татарами ислама, в период 1263—1272"[1]). Замечательно то, что чуваши, видимо, были не только самыми ревностными учениками арабов, но и серьезными пропагандистами их учения. Об этом свидетельствует, между прочим, присутствие значительного количества арабизмов в мордовском, черемисском и вотском языках, многие из которых даны в виде чувашизмов. Таким образом, вторжение в язык чувашский арабских и персидских слов находит себе историческое об'яснение в фактах древне-булгарской истории, чем хотя косвенно, но блестяще подтверждается тождество современных чуваш с этим культурным народом древности.

Итак, вопрос о происхождении чуваш, с точки зрения данных языка, являющегося одним из основных признаков и условий отдельной народности, можно считать решенным окончательно. Во всяком случае языкознание не представляет ни одного факта против такого заключения.

Чуваши и булгары по данным фольклора.

Эго решение находит себе сильнейшую поддержку, далее, в данных фольклора, т. е. в преданиях, былинах, сказсках, песнях, поверьях, пословицах, поговорках и т. п. Дело в том, что среди чуваш существуют и те и другие во множестве, и замечательно то, что многие из них приурочиваются к выдающимся моментам из булгарской истории. Так, лет 40 тому назад, среди чистопольских чуваш был в ходу необычайно трогательный плач последнего булгарского царя о гибели своей славной столицы под ударами дикой татар-

[1]) А. В. Риттих. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870., ч. 1—2, стр. 64--65.

ской орды [1]). Известно также сказание о том, как три прекрасные булгарские царевны спаслись от татарского злого пленения, превратившись в белых лебедей. Перед своим отлетом в далекую и чуждую страну за семью морями они горько оплакивают пленение родины, погибель городов и селений. Они предвидят, что опустошенную землю покроют леса и пришельцы будут попирать ее, но также знают, что придет день, когда воскреснет родной край и когда им можно будет вернуться к своим. „А теперь,—сказали они,—расправим свои белоснежные серебрянные крылышки и улетим отсюда: лучше быть на чужбине или под могильным холмом, чем под татарином“ [2]). Так говорят и теперь Чистопольские чувашские девицы, если их руки начинает добиваться жених-татарин.

Не безизвестно, наконец, то глубокое религиозное почитание, каким окружены имена погибших столиц Булгара и Билярска у чуваш. В их глазах и тот и другой являются в высокой степени священными, как места обитания святых, к которым чуваши обращаются с молитвою („Пăлкарта выртан ырă“ и „Пӳҫĕрте выртан ырă“) и приносят им положенное число жертв [3]). Можно бы привести еще ряд других показательных примеров, но время и место не позволяют это. Новейшая историческая критика к данным фольклора относится вообще с недоверием, главным образом потому, что расстояние между рассказывающим и предметом его рассказа громадно. Но не надо забывать того обстоятельства, что в них выражается народная мысль и отражается народная древность и, кроме того, они не выступают за пределы исторически возможного. Стало быть, фольклор в общем представляет надстройку, покоющуюся на реальной базе. Историческая ценность народных сказаний и преданий в том и состоит, что в них лежит историческое зерно, только облеченное в своеобразную одежду народной поэзии. Поэтому ими смело можно пользоваться, как некоторым плюсом к введенным в научное обращение материалам, рассматривая их показания, как дополнение к показаниям других источников. Будучи элементами неумирающих национальных традиций, они переходят из

---

[1]) Н. И. Полорусов, Записки чувашенина (неопубликованная рукопись).

[2]) Там же.

[3]) См. также Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии, т. XXI, в. I, стр. 105—106

уст в уста, от поколения к поколению, и, таким образом, преемственно связывают и обнимают позднейшее с отдаленным прошлым, живых с давно отжившими. Так приведенные выше примеры связывают чуваш с древними булгарами. Таким образом, мы имеем факты, еще раз наглядно подтверждающие булгарское происхождение чуваш.

Чуваши и булгары по данным этнографии.

Что касается, т. н., древне булгарских народных нравов, обычаев и верований, отмеченных древними писателями, то они тоже удивительным образом совпадают с чувашскими. Это совпадение не иначе может быть об'яснено, как только тем, что они сохранились у чуваш путем наследственной передачи от их предков. Таким образом, мы здесь имеем новое удостоверение в булгарском происхождении чуваш. Описание народных нравов и верований у древних булгар мы находим в таком древнем документе, каким является известие Ибн-Фадлана. По словам этого восточного писателя, бывшего одним из членов в посольстве от халифа, встретил их сам царь, который после приветствий рассыпал перед ними серебряные деньги. Это было в воскресенье. В четверг то же самое сделали вельможи, которые тоже осыпали их серебряными деньгами [1]). Лет 50—60 тому назад был подобный обычай и у чуваш: в Ядринском уезде во время свадебных торжеств при встрече жениха к ногам его лошади бросались деньги.

Далее Ибн-Фадлан отмечает другой древне-булгарский обычай. Он пишет: «мы вынули подарки халифа и представили их царю; потом надели мы жалованную шубу на его супругу, которая по обычаю той земли садится (всенародно) рядом с мужем» [2]). Тот почет, которым, очевидно, была окружена женщина-мать у древних булгар, до сих пор еще наблюдается у чуваш, несмотря на то, что односторонняя церковная проповедь сделала очень много для вкоренения унизительных взглядов на женщину вообще. Во всяком случае чувашка-мать как была, так и остается одной из центральных личностей, участвующих в религиозно-бытовых церемониях чуваш, находясь всегда рядом с мужем, как это мы видим у древних булгар. Напр., при принесении подарков, во время свадебных и других торжеств, муж и жена сидят непременно ряд м.

---

[1]) Плюшар. Энциклопедческий Лексикон. Спб. 1836 г., т. VII, стр. 297.
[2]) Там же.

Третий обычай у булгар Ибн-Фадланом описан весьма обстоятельно. «Потом царь позвал нас,—говорит он,—в свою палатку. Сам он сидел на престоле, покрытом греческою парчею; по правую руку его находились подвластные цари, прямо против него сидели его дети, а нас он посадил по левую руку от себя. Тотчас, по повелению царя, принесли стол, а на столе жареное мясо. Взяв нож, он сначала отрезал от мяса один кусок и с'ел его; потом таким же образом еще кусок, и подал его послу нашему Соусену, перед которым тотчас же после этого поставили небольшой стол. Таков там обычай, что никто не может дотронуться до кушанья, пока царь ему не даст куска; и тогда уже тому, кто получил его, подают особый стол. После Соусена царь дал кусок мяса одному из подвластных царей, сидевшему по правую его руку, и перед ним тоже поставили столик; потом другому, третьему, и так далее, всем присутствовавшим. Таким образом, каждый получил особый столик и ел на нем один, не сообщаясь с другими. По окончании обеда мы взяли с собой домой, что оставалось на наших столиках; но прежде, чем мы ушли, царь велел подать медового вина, которое называется на их языке сиджоу, пил сам и мы пили» [1]). Таким образом, у древних булгар каждому отдельному гостю угощение предлагалось отдельно и на отдельном столе. Отголоски этого обычая мы находим у современных чуваш. Последние, при исполнении обряда „мăн турă амăшĕ курки" (ковш великой богоматери), каждому присутствующему гостю подают в руки кусочек хлеба, сырца и блина, до которых никто не может дотронуться ранее окончания положенной молитвы и пока хозяева не скажут: ларăрах, ĕçĕрех, çийĕрех (сядьте, пейте и ешьте). Обычай этот соблюдается и при поминовении усопших. Каждый член семейства по старшинству поминает усопшего, отделяя руками, без помощи ножа, по куску от предложенных на столе кушаний и отливает ковшом пиво, приговаривая: сан умăнта пултăр (пусть будет перед тобою) [2]). Обычай предлагать угощение на отдельном столе в виде особенного уважения можно найти у чуваш в том, что в „Çиҫҫĕш" (в день особого поминовения) для каждого усопшего члена семьи у богатых людей делались маленькие игрушечные столики со стуликами;

---

[1]) Инородческое Обозрение. Казань, 1913 г., кн. 4-ая, стр. 275.
[2]) Там же.

которые в этот день выносились и ставились где либо в поле, у ложбинки, с положенными на них угощениями. У дунайских булгар есть любопытный обычай при поминках на 40-й день дарить бедным стол, покрытый скатертью с находящимися на нем кувшином вина, тарелками, стаканом, солонкой и полотенцем [1]). Очевидно, здесь мы имеем дело с отголоском древне-языческого обряда.

Четвертый булгарский обычай, который мы находим у Ибн-Фадлана, описан им так: «Все носят шапки. Если царь выезжает куда, он всегда бывает один, без служителя и без свиты. Когда он едет мимо рынка, все встают, снимают с головы шапки, кладут их под мышку и надевают опять не прежде, как он проедет. Таким-же образом и все, кто входит к царю, вельможи и простой народ, даже собственные его дети и братья, лишь только увидят его, тотчас снимают шапку, кладут под мышку, кланяются ему в пояс (в подлиннике-наклоняют головы и присядают); потом выпрямляются и стоят, покуда он не велит им сесть. Всякий, кто садится пред царем, делает это, преклоняя колена и не показывая своей шапки, которую он надевает только, когда выйдет из царского присутствия» [2]). Этот древний булгарский обычай соблюдается у чуваш во многих местах доселе: при исполнении ими религиозных церемоний они обнажают свои головы и шапки держат обязательно под мышкой. Одной из заповедей благоповедения лет 50-60 тому назад являлось требование: «сумлă çынна курсан, çĕлĕкне хул айне хурса сумла»—при виде почтенного человека почти его, держа шапку под мышкой. Это же мы видим при исполнении особого обряда перед выездом в дальний путь, когда садятся «алăк патĕнҫи путмар сак çине»—на кутнике у дверей и, держа шапку под мышкой, обращаются с мольбой к богу—путеводителю. «Замечательно,—говорит Н. И. Ашмарин,—что способ выражения почтительности, заключающийся в держании шапки под мышкой, составляет непременную особенность чувашских молений, где бы последние ни происходили, в поле или дома, в холодное или теплое время года» [3]).

---

1) Л. С. Берг. Бессарабия. Петроград, 1918 г., стр. 30.
2) Там же стр. 299.
3) Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, Казань, 1902 г., стр. 107.

Затем, по словам Ибн-Фадлана, «в собачьем лае булгары видели хорошее предзнаменование, и по лаю заключали о том, плодороден, счастлив и мирен-ли будет год» [1]). Любовь чуваш к собакам давно известна и отмечена, они считают ее животным вещим, способным вылечивать больные члены тела, войти в интимную связь с божествами и охранять человека от нападения злых духов и злоключений. Чуваши говорят: «Йыттăн тулашĕ таса мар та, ăшĕ таса», т. е, внешность собаки не чиста, но внутреность (душа) ее чиста. Когда при поминальном пиршестве кушанья и питье выбрасываются умершему на двор, около ворот, собаки с жадностью и остервенением набрасываются на лакомые куски, поднимая визг, и лай, и драку. „Этот собачий визг и лай,—говорит один наблюдатель,—для чувашского сердца приятней всякой музыки, потому, что умерший и явившиеся с ним с кладбища покойники, переселившиеся на это время в собак, визгом и лаем выражают свою признательность своим родственникам“ [2]). Наконец, по сказаниям того же Ибн-Фадлана, из хлебных злаков у булгар употреблялось по преимуществу просо, вероятнее всего, в виде каши. Последняя в обиходе чувашской жизни доселе играет особенно большую роль, так как употребляется почти при всех культовых церемониях и обрядах и непременно при приеме и проводах гостей (теркĕ пăтти). Не хочется здесь оставить без внимания еще следующего старинного чувашского обычая, который уже, можно сказать, вышел из употребления, но который, по нашему мнению, представляет несомненный отголосок древне-булгарского обычая. О браке последних Андалузи, между прочим, пишет: leurs filles, encore vierges, sortent de leur maison la tête decouverte, de sorte que chacun peut les voir: celui qui se sent de l'inclination pour l'une d'elle lui jette une coëffe sur la tête, et elle devient son épouse sans qu'il èprouve aucun refus, т. е., их дочери еще девами выходят из домов с открытою головою для того, чтобы каждый мог их видеть. Тот, кто чувствует склонность к одной из них, ей бросает покрывало на голову и она делается его женою, если не получает никакого отказа [3]). Лет 70-80 тому назад, да и в на-

[1]) Плюшар, стр. 299
[2]) Инородческое обозрение, 275—276.
[3]) К. Бастужев-Рюмин. Русская история. Спб. 1872 г., II, стр. 77.

стоящее время, в некоторых местах на базары, ярмарки и вообще на собрания людей с открытою головою могли выходить и выходят у чуваш только девушки еще неусватанные, усватанные же не иначе могут быть на людях, как только в платках, которые называются „хĕрӳ тутри“—женихов платок.

К этим бытовым чертам древних булгар мы должны присовокупить еще некоторые обычаи, наблюдаемые как у современных дунайских булгар, так и у чуваш. Сюда относится прежде всего праздник в честь плуга, называемый у чуваш двояко: „Хĕр-Аки“ и „Ака-Туй“. Праздник этот устраивался перед весенней пашней и продолжался несколько дней. Он начинался в семейном кругу молитвою и жертвоприношением; затем народ выходил в поле, где с соблюдением разных церемоний девушки проводили плугом борозду вокруг своей деревни; далее следовали общественные моления и жертвоприношения; в заключение же устраивались: бега, конские скачки, беганье взапуски, при чем победителям давались подарки. Праздник этот у дунайских булгар устраивается, главным образом, в своей заключительной части.

Другой обряд, совпадающий с чувашским,—кража ребенка. Сущность его состоит в том, что когда ребенку исполнится год, кто-нибудь из соседей уносит его из дому и переодевает в другое платье. Мать, найдя ребенка, выкупает у похитителей [1]). У чуваш он употребляется только в тех случаях, когда в семье дети не живут. Эти обряды очевидно, происходят из одного общего первоисточника и сохранились на берегах Дуная и Волги по преемству от древних булгар.

Таким образом, мы видим, как многие бытовые черты древних булгар сохранились в жизни чуваш, очевидно, передаваясь по наследству от поколения к поколению, как дедовские обычаи и порядки, не подлежащие нарушению. Укрепляясь наследственностью, они превращались в жизненную необходимость, становясь как бы второй натурой, так что, не взирая на тысячу неблагоприятных условий, сохранились до наших дней. Поэтому их показания для решения нашего вопроса не менее важны, чем свидетельства языка и фольклора, и должны быть поставлены рядом с ними. Таким образом, в фактах этнографии, как описанных древним арабским писателем,

[1]) Д. С. Берг. Бессарабия, Петроград 1918 г. стр. 128

так и поныне имеющихся у дунайских булгар-славян и полностью совпадающих с бытовыми явлениями в жизни современных чуваш, мы имеем несомненное подтверждение истины о булгарском происхождении чуваш.

Чуваши и булгары в историческом освещении. Теперь перейдем к рассмотрению вопроса в исторической перспективе. Согласно данным последней, волжские булгары были выдающимся в торговом отношении народом. О размерах их торговой деятельности можно составить довольно отчетливое представление по кладам арабских куфических и булгарских монет, открываемых в таком большом количестве, начиная с XVI века. Географическое протяжение их распространения огромно: самый северный пункт его составляет Онгерманланд в Швеции, южный—Крым, Восточный—древнее булгарское царство и западный—Христиансанд в Норвегии. Понятно, что такой обширной торговлей, охватывавшей всю Восточную Европу, не могло заниматься несколько человек, но должен был быть значительный класс предприимчивых людей, которые делили бы между собою различные отрасли этой нелегкой в то время деятельности. По единодушному показанию историков, такой класс у булгар действительно был и он играл крупнейшую роль в жизни государства и международных отношениях Восточной Европы того времени. Даже татарский погром, уничтоживший булгарскую государственность, не мог его убить; правда, его ряды сильно поредели и силы были значительно ослаблены, но он продолжал работать, тем более, что сами татарские ханы в интересах казны всячески поддерживали торговлю. „Ханы... ради собственных материальных интересов, заботились,—говорит академик Бартольд,—о восстановлении городской жизни, промышленности и торговли (в завоеванных странах)“ [1]). Итак, в силу преемственной связи в чувашах, как прямых потомках булгар, мы должны наблюдать у них черты торговой деятельности. Но так-ли это на самом деле? На этот вопрос мы даем положительный ответ. От стариных времен у чуваш сохранились песни, пословицы, поговорки, в которых говорится о торговле даже с Китаем, а многие заимствованные торговые термины и товарные термины, например: „сута-

---

Бартольд. Культура мусульманства. Петроград, 1918. г., стр. 83.

кан--купец, тараза--весы, хак—цена, пурçăн—шелк, ӗхек—убыток, сум—деньги, мул—богатство“ и т. д., указывают на древнейшие торговые связи чуваш с народами передней Азии. Даже в такое трудное время, как смутные годы, чуваши вели широкую торговлю и имели промысла в Казани и др. городах Среднего Поволжья. Подтверждение этому мы находим в указе Михаила Феодоровича от 14 февраля 1615 года на имя казанского пятинщика кн. Сицкого. «А с чуваши-б есте и с черемисы и тезиков, которые с русскими людьми всякими товары торгуют, запросных денег просили в запрос, а говорили им,—говорится в этом указе,—что б оне нам послужили, на ратных наших людей для их многих служб и терпенья на жалование денег с своих животов и с товаров и с промыслов дали, сколько кому возможно», при чем царь обещается «в пошлинах и во всякой дани вперед полготить» [1]). Интересно здесь привести для сравнения известия о татарах. В отписке кн. Сицкого от 12 апреля 1615 г. приводится челобитная казанских татар, в которой „написано, что они люди бедные, от‘езжих торгов и промыслов и лавок в Казани у них нет, а которые из них человек с десять и торгуют в Казани на базаре, перекупаючи у носящих людей, и где что купят, то тут и продают, тем ся и кормят“ [2]). Очевидно, в начале XVII века и даже в XVIII в. чуваши в отношении торговли и промышленной деятельности стояли несомненно выше татар [3]). Разница эта вполне понятна, потому что к XV—XVI вв. татары-кочевники только что оставляли кочевой быт, а чуваши уже около 1.000 лет были оседлыми и торговали издревле.

Переходя к дальнейшему обсуждению вопроса, позволим себе привести прежде всего следующие слова Отто Вильмана. «Жизнь народов, не имеющих государства,—говорит он,—можно сравнить с жизнью растений, тогда как государственные народы достигают

1) Чтения в Импер. Общ. Любит. Истор. и Древн. Росс. 1909 г., кн. 1-я, III, стр. 149.

2] Там же, стр. 160.

3] Иосиф Копець, взятый в русский плен в несчастной для поляков битве 10 октября 1794 г. в своем „Dziennikv podrózy“ о чувашах пишет: «все фабрики разнообразных материй у них свои, ни от кого ничего не покупают». Исторический Вестник, 1896 г., т. LXVI, стр. 239.

силы и подвижности организмов»[1]). В этих словах очень много серьезной и жизненной правды. Дело в том, что в условиях борьбы за существование здоровое государство всегда располагает такими средствами и силами, что легко концентрирует волю и делает ее способной к защите и нападению, т. е. к отпору и действию. Отсюда, как отдельное лицо, так и народ в целом постепенно привыкают мыслить и чувствовать, что крепкие корни их силы в их государственности. Здесь-то и коренится источник той сплоченности, которую мы почти всегда наблюдаем у, т. н., исторических народов в моменты, когда их государственности грозит опасность стать добычей для пришельцев-завоевателей. Подобная сплоченность нередко сохраняется очень долго и после разрушения самой государственности, проявляясь в форме активной борьбы за политическую свободу и самостоятельность. Таким образом, естественно встает вопрос: если чуваши являются действительными потомками древних булгар, то имело-ли место в их жизни проявление подобной борьбы, которых мы имели бы право ожидать от них, как народа пережившего долгую и славную государственную жизнь?

При ближайшем ознакомлении с историей чуваш ответ на этот вопрос может быть дан только положительный. В самом деле на берегах Средней Волги, можно сказать, не было народа, который так сильно отстаивал бы свободу, как чуваши. Достаточно указать на грандиозное восстание чуваш в марте 1552 года, которое поднято было ими против русских, несколько месяцев спустя после отложения от Казани и добровольного принятия ими московского подданства. Причиной его было грубое нарушение со стороны правительства Грозного обязательств, принятых им в отношении новых подданных при заключении подданического договора. Оно продолжалось несколько месяцев и закончилось генеральным поражением, приведшим чуваш в положение побежденного народа. Впрочем арские чуваши продолжали борьбу еще около пяти лет после взятия Казани и покорились лишь тогда, когда были уже почти все истреблены, или, как выражается язык летописей, когда „Арская и Побережная сторона были вконец опустошены“[2]). Однако чуваши никогда не забывали былой самостоятельности и свободы. В годы,

---

1) О. Вильман, Дидактика, II, стр. 568—569.

2) Карамзин. Ист. Росс. Спб. 1842 г., т. III, стр. 142.

т. н, смутного времени они совместнно с черемисами и татарами еще раз попытались добиться свободы с оружием в руках. Было дано два кровавых сражения: одно—у г. Чебоксар в 1608 г., а другое—у г. Свияжска в 1609 г. Оба были проиграны, но последнее было жесточайшим поражением для восставших. По словам летописи, русские войска под начальством Шереметева [1]) „многих людей бесчисленно побили на голову и трупу их легло побитых на семи верстах... а многих поймали и в Казань прислали“ [2]). Причиной несчастия, повидимому, были какие-то разногласия между чувашами и марийцами. Это ясно из слов отписки вышеупомянутого кн. Сицкого, одного из тогдашних пятинщиков казанских, от 12 апреля 1615 года. По словам этой отписки, говорили „чуваша и черемиса меж собой: по ся места де мы за одно не стояли за себя“ [3]).

Чуваши готовы были поднять восстание и в начале этого года по случаю царского указа о сборах пятины. Они добивались того, чтобы и черемисы принимали в нем участие. По словам отписки казанского воеводы кн. Воротынского „подговаривали черемису чуваша, чтоб черемиса завоевалась“ [4]). Но дело обошлось мирно, потому что вскоре последовал царский указ, по которому воеводам велено было призвать к себе лучших асламчеев, чувашу и черемису, и сказать им государево жаловальное слово, что «с них пятины брать не велено и указа царского о том к пятинщикам не было» (!). Можно бы привести еще ряд подобных примеров, но думаем, приведенных достаточно. Из них мы видим, как стойко и упорно защищали чуваши свои права и интересы [5]).

---

[1]) Вероятно, с того времени вошло у чуваш в употребление слово „шеремет“ для обозначения вообще всякого, кто находится в состоянии, достойном сожаления.

[2]) Акты Археогр. Экспед. II, № 100.

[3]) С. Б. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. Чтен. в О. И. Д. Р. 1909 г., кн. I-ая, III, стр. 40).

[4]) Там же, стр. 158.

[5]) Чуваши жестоко поплатились за свои восстания: они потеряли все высшее сословие, почти все среднее, которые или были уничтожены, или переброшены в Новгородскую и Псковскую губернии, ассимилировались с победителями, так что в конце концов у чуваш осталась одна непросвещенная, бессознательная, народная масса—хура халăх.

Такая стойкость была бы совершенно не понятной вне генетической связи их с булгарской государственностью. Если бы было не так, то чуваши оставались бы пассивными и неподвижными и легко подчинились бы чужеземному владычеству, как это делают обычно народы безгосударственные и политически слабые. Многие русские историки гордятся как бы мирным характером русской колонизации среди финских племен, которые вообще без особенной борьбы слились и исчезли в русском море. На самом деле здесь имела место встреча двух народов, с одной стороны, русских, политически организованных и экономически сильных, и финских племен—с другой, политически не организованных и во всех отношениях слабых. Поэтому первые поглотили вторых без особого труда [1]). Чуваши же в этом отношении, как видим, составляют резкое исключение именно потому, что они очень давно, значительно ранее русских, начали жить своей обособленной, хорошо налаженной государственной жизнью. Таким образом, факты истории согласно

---

[1]) Один из русских ученых пишет: «Ни в летописях, ни в преданиях нет никаких данных, которые бы давали повод думать, что финские племена были уничтожены огнем и мечем и отброшены славянами куда-нибудь на дальний север или восток, где мы видим другие народности финского же племени. Да и вообще славян никак нельзя причислить по образу их действий относительно соседей к тем диким кочевым ордам, которые внезапно появлялись из глубины Азии и бурею проносились среди туземных племен, оставляя за собой пустыню, накануне еще засеянную, застроенную и возделанную... Финское племя подобно многим другим изчезло. Ясно, что у него или не было никакого противовеса, или противовес этот был значительно нисшего качества. Финские племена обладали некоторою степенью гражданственности: у них были князья, частью они жили оседло, имели города, вели торговлю. Но все это представляло только разрозненные начатки того, что служило существенно характеристической чертой славянского быта. Пожалуй, можно допустить и то, что с искони «вскормленное концом копия» славянское племя было и по характеру энергичнее и по оружию сильнее финских Мери, Веси, Муромы и Мещеры. Но главное не в том: в X веке мы видим его вступившим в новый и сравнительно высший фазис развития... Что же, спросим себя снова, могли противопоставить раздробленные финские племена встретившей их культуре племен славянских, сплотившихся в один сильный народ?—Ровно ничего. Каждое из финских племен очутилось лицом к лицу с такою дилеммой: поднимешь мечь—погибнешь от него же, не поднимешь—медленно погаснешь. Случилось последнее... Меря, Весь или иной из названных народов, окруженный и даже проникнутый русским населением, оторванный от других соплеменных народов, неизбежно усвоивал и русский язык, сначала наряду с своим, а потом в ущерб ему, словом, происходил процесс претворения одной народности в другую, вырабатывался тип великоросса». (Виктор Рагозин. Волга Спб. 1881 г. II, стр. 38—340).

с фактами лингвистики, этнографии и фольклора подтверждают родство чуваш с булгарами.

Чуваши и булгары по их моральным качествам.

Нам остается рассмотреть вопрос с антропологической точки зрения. Но в этой области сделано очень мало. Физический тип как древних булгар, так и современных чуваш почти не изучен, но о духовной природе тех и других кое-какие сведения имеются. Жизнь булгар складывалась и протекала на грани разнородных миров Азии и Европы, на грани, где сходились и сталкивались народы и севера, и юга, и запада, и востока, то воинственные и хищные, как русы-варяги, то примитивно первобытные, как многие финские и сибирские племена, то просвещенные и ловкие, как арабы и персы, на грани, о которую всегда ударялись первые волны бурных передвижений тюрко-татарских и финно-угорских кочующих племен. Естественно, народ этот должен был выработать в себе положительные качества, выражающиеся: 1) в повышенной деятельности душевных способностей, 2) любви к труду и мирной жизни, 3) в бережливости, как уменьи жить не только интересами сегодняшнего, но и завтрашнего дня, и, наконец, 4) в развитом национальном самосознании. Действительно булгары отличались всеми этими качествами в высшей степени: возникшая из первобытного ничтожества и затем быстро развившаяся культура, о которой говорят памятники булгарского искусства и старины, богато представленные в музеях Казани и некоторых других местах, несомненно и внушительно свидетельствуют о творческих способностях и богатстве фантазии этого народа в целом; даровитость его доказывается также появлением среди них ученых людей, труды которых хотя и не дошли до наших дней, но своевременно были отмечены восточными писателями; накопленные богатства, о которых свидетельствуют почти все писатели и которые всегда привлекали жадные взоры суздальских и других князей, красноречиво говорят не только об их трудолюбии, но и о заботах о будущем и связанной с этим бережливости; трудолюбивый и мирный характер его жизни отмечен историей; наконец, изумительное отстаивание свободы и политической самостоятельности в одновременной борьбе с татарами, нападавшими с востока и юга, и русскими—с запада и севера, и затем единодушное и немедленное восстание против татар, по уходе их

на Русь, не могут не говорить о высоком развитии народного самосознания. Таков был древний булгар. Если справедливо, что наследственность, в ряду множества других причин, имеет влияние на физические и психические свойства человека, то естественно ожидать от потомков явственно выраженного проявления качеств их предков. В таком случае о чувашах, которые по языку и по многим др причинам, как мы доселе видели, оказываются несомненными потомками булгар, можно-ли сказать, что им свойственны качества отцов, т. е. племенная даровитость, любовь к труду, бережливость и развитое национальное самосознание? Об интеллектуальных и моральных качествах чуваш у людей, близко их знающих, нет двух мнений: они все сходятся в том, что чуваши—даровитый народ. Сама действительность давала блестящее подтверждение этому: в учебных заведениях при наихудших условиях ученики чуваши почти всегда оказывались весьма успевающими; например, в б. Казанской учительской семинарии, где учились и русские, и татары, и мордва, и мари, и киргизы, и корейцы, в первые 50 лет его существования первенство по успехам обычно принадлежало чувашам, бывшим всегда в небольшом сравнительно с русскими и др. числе. Искусство чуваш мало изучено, но, при ближайшем ознакомлении, оно приводит ученых людей в изумление. Покойный В. В. Стасов в своем исследовании, например, об орнаменте указал на зависимость русского орнамента от восточного. Чувашские коллекции Русского музея (б. имп. Александа III) в Ленинграде дали ему возможность установить, что главная роль в передаче азиатско-иранских мотивов орнамента на запад принадлежала чувашам. Трудолюбие и бережливость чуваш давно известны. Как стойко и крепко защищали они свою свободу и права, мы видели выше. Итак, судя по складу характера, склонностей и способностей современных чуваш, о них можно сказать, что они обладают теми же общенациональными чертами, какими обладали их предки булгары, и это несмотря на то, что в течение 6—7 столетий им пришлось пережить тысячи уничтожающих перемен: потерю политической самостоятельности, господство и влияние чуждых народов (сначала пришлых татар, потом русских), неоднократную перемену религии и т. д. т. д.

Булгары, чуваши и татары

Заканчивая настоящий, по необходимости несколько растянувшийся, но по существу очень краткий очерк, я считал-бы его не завершенным, если-бы не коснулся вопроса о татарах. Дело в том, что и татары считают себя потомками булгар, а не татар—пришельцев из Азии. Выдающимся выразителем этой теории является татарский ученый Гайнуд-дин Ахмаров. Основными доводами его, между прочим, являются следующие утверждения: 1) казанские татары не любят, когда называют их татарами, названием, которое будто бы навязано им татаро-монгольскими завоевателями булгар; 2) татары, завоеватели булгарского царства, были азиятскими кочевниками, между тем как у казанских татар нет никаких воспоминаний о кочевом быте. Сущность этих доводов сводится к тому, что современные казанские татары—не настоящее татары, хотя и говорят на одном из татарских диалектов. Мы принимаем это утверждение, но с ограничением в том смысле, что действительно весьма значительная часть современной татарской массы произошла не от татар. В самом деле, ведь, определенно известно, что в период Золотой Орды, до образования Казанского царства, на Средней Волге, на территории древней Булгарии, татар почти не было. В. В. Бартольдом доказано, что монгольские завоевания вообще отнюдь не являлись переселением завоевателей, так как большая часть азиятских выходцев обычно возвращалась обратно на родину[1]), в новозавоеванной же стране оставлялись только немногочисленные военные силы и небольшое количество чиновников для управления[2]). Таким же образом дело обстояло и в разгромленной Булгарии. Здесь тоже татар почти не было, а было сплошь туземное чувашское население, занимавшееся земледельческим трудом. И только начиная с 1438 года начался приток в Среднее Поволжье татарского населения, который отмечен и в русских летописях. „Начаша собиратися (в Казань) мнози варвары от различных стран, от Золотой Орды, и от Астороханн, и от Азуева, и от Крыма", в руки которых перешло сначала политическое, а затем и экономическое господство. Таким образом,

---

[1]) В. В. Бартольд. История Туркестана. Труды Туркестанского государственного университета. Ташкент, 1922 г., вып. 2.

[2]) В. В. Барнольд. Культура мусульманства. Петроград, 1918 г., стр. 18.

началось закрепощение края и населения, а вместе с тем и татаризация, продолжавшаяся и после падения Казанского царства вплоть до второй половины XIX века. Она шла тем успешнее, что с потерей политического господства, татары не лишались силы экономической. Академик С. Ф. Платонов пишет, что «татары, потеряв политическое господство в своем царстве, не потеряли экономической силы. Под кровом русской власти они продолжали, в качестве уже государевых помещиков, захват и закрепление за собой инородческих земель и их ясачного населения. Успех их был тем вернее, что они еще сохраняли за собой престиж старых господ края; а затем они лучше руссих знали самый край и строй инородческих отношений» [1]).

Как быстро шло отатаривание чуваш, видно из следующего. На основании многих документов XVI—XIX в. в. мы находим следы существования чуваш в таких местах, где их в настоящее время вовсе нет, но есть татары. Так, чуваши жили в самой Казани, как ее постоянные жители, в количестве 150 дворов, на Кабане за Булаком [2]); г. Арск и Арская земля сплошь была населена чувашами [3]); Лаишевский уезд по обоим берегам Камы занят был ими [4]); к западу от реки Свияги не было татар вовсе, а были чуваши [5]). По свидетельству Стрежневского В. И. в „Выписи из отделенных книг сотника алатырских казаков 155 (1647 г.)" упоминаются обширные поместья чувашских мурз в нынешнем Сергачском уезде [6]); чуваши жили в Васильевском уезде, например, в деревне Моклоково, что видно из ведомости, составленной Васильским исправником Станиславским еще в 1802 г., в которой прямо сказано „они же сами из чуваш" [7]). Далее чуваши в XVI веке жили в Слободском уезде, по реке Чепце [8]), в Елабужском

1) Проф. С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты. СПБ 1910 г. стр 101—102.

2) Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань 1877 г.

3) Карамзин, История Госуд. Росс. т. VIII, стр. 123—125

4) Списки населенных мест Казанского и Лаишевского уу. с кратким их описанием. Казань, 1893 г.

5) Известия О. А. И. Э. 1911 г., т. XXVII, в. 5.

6) Действия Нижегородск. Архива. Комиссии. Выпус. X, стр. 452.

7) Там же, т. III, 1898 г., стр. 39.

8) Акты археологическ. экспед. т. I, № 220.

уезде [1]), в Сарапульском уезде [2]) и т. д. Во всех указанных местах в настоящее время чуваш нет: они отатарились. Для дополнения картины, позволим себе привести статистические данные по б. Казанской губ.:

а) В 1826 г. в Казан. губ. было:
чуваш всего . . . . 371.758 ч.
татар „ . . . . 136.470 ч.
чуваш более на 235.288 ч.

б) В 1897 г. по переписи было в Казан. губ.
чуваш . . . . 513.044 ч.
татар . . . . 744.267 „
татар более на 231.223 ч.

в) В 1904 г. по сведениям Казан. Стат. Комитета было:
чуваш. . . . . 550.664 ч.
татар . . . . 772.698 „
татар более на 222.034 ч.

Быстрый и чрезмерный численный рост татарского населения, бывшего в 1826 г. почти в два раза меньше чуваш, а в 1897 г. превышавшего их чуть не в 2 раза, об'ясняется именно поглощением чувашского населения [3]). За это время отатарились десятки и сотни чувашских селений, каковы например: Старое Никитино и Новое Никитино, Солдакеево, Обрыскино, Новое Узеево, Средние Челны, Тугаево, Сунчелеево и Большие Савруши, Чистопольского уезда, Белая Воложка и Утеево в Тетюшском уез., Чувашский Брод в Спасском уез. и проч. и проч. и проч.

Думаем, что сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что значительную массу татарского населения Среднего Поволжья в настоящее время составляют отатарившиеся чуваши. Уже западно-европейские путешественники XVII века (Гакстгаузен и Олеарий) высказываются в том смысле, что казанские татары не ордынские татары, потому что в их быте не сохранилось следов родства с последними. [4]) Новейшими же исследованиями точно установлено,

1) Вятские Губ. Ведом. 1891 г., № 43, 45 и 47.

2) Проф. И. Н. Смирнов. Материалы для статистики Сарапульского у.

3) Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казан. университете, т. XII, в. 5, стр. 466—468.

4) Инородческое Обозрение, 1916 г., март-июнь, стр. 217—225.

что в бытовой жизни казанских татар до настоящих дней удержались обычаи, верования, вполне совпадающие с чувашскими. Наконец, не надо упускать из виду и того обстоятельства, что сами древние булгары резко отличали себя от татар-завоевателей. Это ясно из речей их послов к русскому князю Юрию в 1223 году. „Пришел народ неведомый, и язык коего прежде не слыхали, вельми сильный",—говорили они о пришельцах из глубины Азии [1]).

Отсюда понятно, почему татары казанские не любят отождествлять себя с пришельцами XIII в. Таким образом, единственный народ, кроме чуваш, претендующий на происхождение от булгар, оказывается в значительной массе своей отатарившимися чувашами [2]).

Общие выводы. Обобщая все вышеизложенное, мы приходим к следующим положениям:

1. Язык чувашский и язык древне-булгарский—один и тот же, чему мы находим убедительнейшие доказательства в древностях, оставшихся от волжских и дунайских булгар, затем в чувашизмах в венгерском и др. языках. Единство языка говорит, разумеется, о единстве происхождения, подтверждающее[ся], между прочим, присутствием в чувашском языке арабизмов и персидцизмов.

2. Эта генетическая связь между чувашами и булгарами, устанавливаемая свидетельствами языка, подтверждается как данными фольклора, этнографии и истории, так и национальными особенностями чуваш.

3. Современные казанские татары в значительной степени являются отатарившимися чувашами и потому тоже суть потомки булгар, но утратившие особенности своего национального типа.

В виду вышеизложенного прямыми и чистыми потомками булгар необходимо и должно считать одних чуваш.

Свидетельства ученых людей. Выдающиеся ученые Запада и России признают это. Ограничимся приведением свидетельств некоторых русских ученых. Уже Татищев, в распоряжении которого был богатый документальный материал, погибший после

---

1) Татищев, III, 459.

2) Татары, населяющие местность, простирающуюся к северу от Казани и называющуюся по дорогам, по ней проходящим, Нагай-жулы, Жарей-жулы, Арча-жулы (на Арск) и Алат-жулы, отличаются тем, что в одежде их преобладает белый цвет, являющийся, по словам А. Бессонова, «национальным цветом финских инородцев восточной полосы России», к числу которых обычно причисляли и чуваш (Журн. Мин. Нар. Просвещ. ч CCXVI, стр. 224). Таким образом здесь тоже мы не можем не видеть явлений татаризации.

него, называл чуваш, как мы видели, потомками волжских булгар. Известный русский историк, академик Платонов, говоря о последних, прямо заявляет, что „их потомки, чуваши, представляют теперь слабое и мало развитое племя“ [1]). Мнение проф. Н. И. Ашмарина, специально изучавшего занимающий нас вопрос, всем известно давно. Из новейших языковедов Н. Н. Поппе в своих исследованиях не оставляет в этом вопросе никаких сомнений. „Близость чувашского языка к булгарскому настолько велика, что мы можем считать нынешний чувашский язык потомком булгарского языка, а чувашей — потомками деревенского населения булгарского царства, имевшего, вероятно, слабую связь с городом, вследствие чего оно не успело приобщиться к мусульманской культуре»... [2]) Таким образом, прав Татищев, когда называет чуваш „оставшим“ от булгар „поселянством“ [3]). „Булгары, предки чувашей,—продолжает Н. Н. Поппе,—были культурным и цивилизованным народом, имевшим торговые сношения с мусульманским миром и народами северо-восточной России. Столица царства—Булгар являлась самым северным пунктом, куда заходили мусульманские купцы, скупавшие там пушнину, главным образом, меха черных лисиц, шедшие из страны буртасов, т. е. мордвы, живших по соседству с булгарами, и некоторые другие предметы. Неудивительно поэтому, что булгары оказали сильное культурное влияние на своих соседей, что доказывается множеством булгарских слов, заимствованных в мордовский, черемисский, зырянский и вотяцкий языки. Это культурное влияние булгар-чувашей на соседей относится приблизительно к IX—XIII ст. нашей эры, но и задолго до этого булгары стояли на высокой ступени культуры и оказывали культурное влияние на венгров, бывших значительно менее культурным народом. По булгарским заимствованиям в венгерском языке мы можем заключить, что булгары еще до IX ст. нашей эры, были оседлым народом, каковым они стали, вероятно, около VII ст., когда было основано булгарское царство на Волге“ [4]).

---

[1]) Проф. С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Петроград 1917 г. стр. 54.

[2]) Н. Н. Поппе. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары, 1925 г., стр. 9—10.

[3]] Татищев, I, стр. 458.

[4]] Там же, стр. 10—11.

Названия: булгар и чуваш. В заключительной части настоящего доклада необходимо, хотя бы вскользь, коснуться вопроса о названиях «пулкар» (булгар) и «ҫăваш» (чŏваш), которыми, очевидно, именовался и именуется один и тот же народ. Прежде всего оба наименования в прежнее время употреблялись у чуваш, как личные имена. Так, говоря об имени „Булгар“, Магницкий замечает, что это имя в фолианте, из которого он извлекал личные природные имена чуваш, встретилось всего раз, по деревне Третьей Тинсариной, Туруновской волости [1]). Что касается имени «Чуваш», то оно у него значится в полной форме „Чуваш“ и „Чувашин“ [2]). В десятном списке дворян и детей боярских, присланном из Арзамаса в Разрядный приказ, в числе помещиков, имевших по 450 чети земли, значится „Чуваш Суханов, сын Аристов“ [3]). Итак, в личном характере обоих имен не приходится сомневаться. Как же они стали национальными? Здесь, вероятно, произошло тоже самое, что случилось, напр., с именем Иуда, которое у евреев из личного стало сначала родовым, потом племенным и, наконец, национальным. О монгольских племенах определенно известно, что „целое государство или народ получает у них название от имени господствующего дома, а каждый аймак (поколение или удел) от владетельного положения. С падением владетельных домов исчезает старое название и появляются новые“ [4]). Нечто подобное, вероятно, случилось и с именами «„ҫăваш» и «пулкар“», т. е. оба они некогда, безсомнения, были персональными и потом стали племенными, с той лишь разницей, что одно раньше, другое позднее. По нашему мнению, название „ҫăваш“ древнее названия „пулкар“ и в древности оно произносилось иначе, чем теперь. В истории чувашского языка наблюдается следующее любопытное явление, отмеченное Н. Н. Поппе: праязыковые звуки ö и ӥ в чувашском языке дают в неударенном положении ĕ (ă), в ударенном—ў (ŷ) а в середине слова—«ăва», например: чув. кĕр=г. тат. küz (осень)

[1]) Магницкий, 34.

[2]) Магницкий, 94.

[3]) С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты (1578-1618 г. г.) в Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1916 г., кн. I-ая, стр. 256—509.

[4]) Иакинф (Бичурин). Записки о Монголии. Спб., 1828 г., ч. III стр. 2.

чув. тӳрĕ=т.-т. tüz ; чув. тăваттă=т. т. tüört, Орхон. tört (четыре) „В последнем случае, ö безусловно было долгое,—говорит Поппе,—затем из него развился дифтонг йö и, наконец из дифтонга развился консонатический элемент В, в результате чего получился двоеслог—ăва—. Историю этого ударенного ö можно представить следующим образом: ö—ö:—йö—йвö—ăва» [1]). Если этот закон применить к названию «ҫăваш», то оно стало таким, проходя следующие стадии развития: ҫöш—ҫööш—ҫйöш—ҫйвöш—ҫăваш [2]). Значит, первоначальный вид этого имени был ҫöö—ш». В этом виде оно, очень вероятно, было уже известно Геродоту. На это указал еще Л. Размусен, сопостовляя геродотовское название «өvссагет» с названием «чуваш». «Что касается до названия өvссагетаї,—говорит он,—то гетаї [3]), вероятно, нарицательное имя, означающее, может быть: «народ», «люди» (масса-гетаі, өvсса-гетаі тvра-гетаі—названия разных племен, а заимствованные из языка одного народа), основы же өvсс и чу (ва) ш (греч. v, как известно-краткое у) указывают на общую первоначальную форму Thjusi» [4]). Возможность того, что древние чуваши не были неизвестны Геродоту, подтверждается тем обстоятельством, что, по его словам, фис, сагеты соседили с йирками, под которыми, по мнению Вяч. Егорова, Геродот разумел венгров [5]), а соседство последних с чувашами в отдаленнейшей древности, как мы видели выше, не подлежит никакому сомнению. Таким образом, теоретические соображения о том, что «ҫöш»=өvсс, находит себе косвенное подкрепление фактах истории.

Что касается собственно смысла, заключающегося в национальном названии чуваш, то его возможно будет установить путем реставрации первоначальной его формы из «ҫöш». В последнем, видимо, сказалось сильное влияние того свойства чувашского языка, которое еще было отмечено Н. И. Ашмариным и которое выражается в чередовании ҫ, ç, ш. Например: шулҫă,

---

1) Н. Н. Поппе, О родств. отн. чуваш. и тюр. яз, стр. 17.

2) Отражение формы „ҫйöш" мы видим в форме „ҫйаш" (чоаш) у чуваш Малокарачинской вол. Ядрин. у., и у черемис, которые чуваш доселе называют „суас". Ашмарин, стр. 45.

3) Некоторые гетаі сводят к монгольскому названию (Семенкович, цитов. с ч., стр. 211).

4) Журнал Мин. Народн. Просвещ 1865 г.

5) Геддон А. Переселение народов, стр. 125.

çулţă, шулçă, çулçă. В таком случае первичная основа имени «ţăваш» есть «ţу=су=шу=çу», означающая «воду—масло—свет—лето—чистоту», а первоначальной его формой могло быть и, вероятно, было ţу+ш=су+ç=шу+ç=çу+ç, в которой «ш» и «ç« суть аффикс ı, обозначающие занятие или ремесло; след , имя «ţăваш» значит «живущий у воды», «соблюдающий чистоту» или «светоносец» подобно «тимĕр+ç»—железоделец, или кузнец, «ţепĕ+ç» —красивый, красотоносный [1]). Н. И. Ашмарин вслед за И. Н. Юркиным полагает, что название «ţăваш» значит «летовщик» и что булгары называли себя так потому, что «кочевали только по летам» [2]). Однако, этот довод, по нашему мнению, нельзя считать достаточно весским, так как и буртасы так же кочевали только по летам [3]), но ни откуда не видно, чтобы их называли «ţĭвашами».

Что касается названия „Пулкар-Булгар“, или Бургар, как значится у Якута[4]), то смысл его можно установить, как нам кажется, из разложения его на составные части, а именно: «пул (пăл), пур» и «кар», при чем «пул (пăл)» и «пур» значит «быть, стать» и употребляется в качестве собственного имени, а «кар»—ограда, ограждение», «окружение» (кар карса илтĕмĕр). Отсюда «Булгар»—город Пул'а. Очевидно, из родового оно стало племенным, по образовании и утверждении чувашской государственности на берегах Волги через об'единение многих домов под главенством сильнейшего из них, носившего родовое имя „Пул“, каковым именем названа была и столица, как центр народно-государственной жизни об'единенных домов. Это подтверждается сообщением Эль-Бальхи, умершего в половине X столетия. „Булгар—говорит он,—*имя страны*, жители которой исповедуют ислам, и *имя города*, в которой находится мечеть“ [5]). Таким обра-

---

[1]) Отсюда становится понятным то явление. что в центре древнейших мифологических представлений чуваш стоит солнце и его детище огонь. Своеобразное изображение его высилось над мольбищами, и символы его употреблялись на женских украшениях и рубашках. По свидетельству, напр , Кобця, чувашки еще в конце XVIII в. носили „на груди отлитые из серебра изображения солнца“ (Историч. Вестн. 1896 г , т. 66, стр. 23)). Современная замужняя чувашка продолжает носить на груди вышитые символы солнца, при чем из двух символов один уничтожается, если она овдовеет (см. приложение № 2).

[2]) См. приложение № 3.

[3]) Пл шар, VII, 420.

[4]) Хвольсон, стр. 8

[5]) Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. 1880—1882 г., III, стр. 39.

зом это имя, естественно, стало именем страны и ее жителей (как Москва, Московия, Москаль) в то время, как собственным названием народа оставалось „Ђăваш". Этим и об'ясняется, то странное на первый взгляд обстоятельство, что в известиях древних писателей, мы не встречаем имени «ђăваш». Очевидно, в них древнее название народности уступило место названию государственности и это продолжалось вплоть до окончательного исчезновения последней в XV веке.

Прародина чуваш. Гениальный Н. Я. Марр доказал, что чуваши являются «пережитками, сравнительно не плохо сохранившимися, яфетидов» [1]), т. е. они являются народом доисторическим. Если прародиной человечества считать Азию, как это принято многими, то, очевидно, чуваши являются очень древними азиятскими выходцами. Судя по языку, который примыкает к праалтайскому и гораздо древнее тюркских наречий, можно утверждать, что исход чуваш из глубин Азии был совершен до распада общетюркского языка, т. е., в дотюркскую эпоху, в глубочайшей древности.

На вопрос о том, в каком месте Азии они могли обитать, как-то невольно, само собой, напрашивается сопостановление племенного названия чуваш в его древнейшей форме «чу+а+ш» с названием Средне-Азиятской реки «Чу» и выдвигаются, как производные от этой основы, названия «Чубар, Чувал, Сувар, Шувар, Сумар, [2]) Чувашские, Чувиле», которые встречаются на обширной территории между озером Балхаш, Уралом, Волгой и Днепром [3]) и которые, может быть, указывают тот широкий путь, коим шли в доисторические времена, вероятно, отдельными группами чуваши-яфетиды, направляясь под давлением или врагов, или стихийных бедствий, или наступившей тесноты, от р. Чу к берегам могучей Волги и далее на Запад к берегам великого Тигра-Ефрата на юго-запад. Одна из этих групп, ставшая впоследствии исторически известною под названием «шумер'ов», нашла уют в Мессопотамии, где и создала первый культурный уголок на земле [4]), другая—под именем «ђу(а)ш» устроилась между Волгой и Уралом в четырехуголь-

1) Н. Я. Марр. Краеведение. Ленинград, 1925 г., стр. 17. 2) См. приложение № 3. 3) Э. Ю. Петри и Ю М. Шокольский. Большой Всемирный Настольный Атлас Маркса Спб , 1910 г., стр. 139,

4) Гедлоп, стр. 42·

нике Волга—Белая и Кама—Самара, и во время Геродота под именем «тусс—ов» имела уже торговые связи с греческим миром[1]), а ко временам Средневековья создала свое государство.

Современное состояние чуваш.

Жестокая борьба на два фронта, с татарами и русскими, длившаяся в начале XIII в. несколько лет, вывела чувашское государство из строя самостоятельных государств, а их самих поставила в положение побежденного и угнетаемого народа со всеми роковыми последствиями, отсюда проистекающими. Начатое дикими выходцами из Азии, еще совершавшими человеческие жертвоприношения[2]), и даже употреблявшими в пищу человеческое мясо[3]), довершила дореволюционная русская государственность, варварски-хищная и до жестокости тупая. Своей колонизационной и обрусительной политикой[4]) она до-

---

1) Геродот, IV, 24.

2) Бартольд, Мусульм. культ., стр. 83.

3) Іоанн де-Плано Карпини. История монгалов. Спб. 1911 г., стр. 14.

4) Жестокая сущность этой политики беззастенчиво и нагло выражена в соображениях И. Смирнова в статье «Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики». Меры, им рекомдуемые в ней в отношении сибирских инородцев, в отношении чуваш в свое время проведены были с поразительной последовательностью. „Первым и главнейшим орудием обрусительной политики должна, стало быть, сделаться,—говорит И. Смирнов,—умелая, основанная на точном знании местных условий колонизация. В настоящее время тысячи переселенцев ежегодно направляются в Сибирь. Они бредут, руководствуясь слухами; оседают там, где для них оказывается более или менее подходящей земля и совокупность всех условий быта. Если эти тысячи направить туда, где инородческое население представляет наиболее компактную и нетронутую русским влиянием массу, если при самом глубоком внимании к экономическим интересам переселенцев расположить их деревни так, чтобы они, сохраняя связь между собой, разрывали территорию инородческого племени на отдельные острова, если эти колонизационные кадры освежать от времени до времени притоком новых переселенцев, дело обрусения данного инородческого племени можно считать обеспеченным. По следам колониста можно будет пустить тогда учителя. Это фактор будущего" (Исторический Вестник, 1892 г., Март, стр. 763). С чувашами так и было поступлено: все лучшие земли по Суре, Волге, Свияге Цивилю и Каме были захвачены, чуваши Засурья, представлявшие компактную массу, были окружены кольцом крепостей, каковыми были: Курмыш, Ядрин, Васильсурск, Козмодемьянск, Чебоксары, Свияжск с Цивильском в центре, в них стояли гарнизоны стрельцов с палачами (см. Чтения в Императ. Обществе Истории и Древностей Российских, 1893 г., 4 кн., стр. 60—64) на случай подавления восстаний, как замечает Олеарий (см. его „Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно". Спб. 1906 г.). В итоге владычества сначала темного Московского царства, царства „холопов", в котором было господство всякого рода телесных наказаний, пыток и истязаний, грабежа и разбоя, противоестественных пороков и крайнего озверения и скотства человека, а затем императорской России, покрытой сверху лаком «европизма», но в сущности остававшейся таким же варварским государством, каким она была в московский период, с чувашами, как и со всеми другими инород-

вела чуваш, этих потомков некогда выдающегося и культурного народа, почти до могилы. Но, стоя на грани вырождения, чуваши в настоящее время с верой и надеждой ожидают спасения и возрождения от новой государственности, рожденной усилиями и безмерными страданиями трудящегося класса и потому способной понимать стоны и муки угнетенных и всегда готовой помочь им.

цами, случилось то, что сознательно-активный люд, который возбуждает общее национальное самосознание и самоопределение, погиб целиком, или, по картинному выражению русского летописца, «все лучшие люди извелися». Нация проявляла себя в лихолетия восстаниями, но такие проявления носили стихийный и как бы случайный характер и, конечно, весьма мало служили общему прогрессу народной жизни и развитию его сил. Замечательно, что в годы, предшествовавшие Мировой Войне и последовавшей затем Октябрьской Революции, началась сильная травля чуваш, как одержимых духом *сепартизма* и *революции*. Их стали отождествлять с *евреями* и *поляками*. Дело об'ясняется оч. просто. Начиная с 70-х годов прошлого столетия, у чуваш началось возрождение сознательно-активного люда в лице учительства, которое, пройдя родную Центральную чувашскую школу в г. Симбирске (ныне Ульяновск), возвращалось в гущу населения и, как дрожжи, поднимало его, хотя очень медленно и исподволь, но безостановочно. К началу XX века оно (учительство) представляло уже довольно внушительную революционно-настроенную силу. Разумеется, русская бюрократия и духовенство сразу почувствовали в нем злейшего врага. Поэтому еще начиная с последнего десятилетия XIX в. делается ряд отчаянных попыток,если к неполному уничтожению, то, по крайней мере, к совершенному ослаблению чувашских просвещенских учреждений и аппарата. Открывает поход духовенство в лице Симбирского епископа Никандра, стремившегося, путем интриг в Синоде, захватить в свои руки чувашскую женскую учительскую школу, но безуспешно (См. Вера и Разум, 1899 г.). В 1903 г. Казанский учебный округ в величайшей тайне ведет дело по уничтожению должности инспектора чувашских школ округа и добивается успеха. В 1906 г. в Казани на совещании по инородческому образованию один из членов совещания „рясоносный профессор" высказывает мнение, что чувашам не следует более давать школ, иначе они будут вторыми евреями. 14 января 1911 г. казанское губернское дворянское собрание по докладу проф. Б. Ф. Залесского выносит особое постановление о мероприятиях, направленных к искоренению „пробудившегося" у чуваш духа сепартизма, (Казанский Телеграф, 1911 г, № 5336). Далее вопрос обсуждается на VII с'езде уполномоченных об'единенных дворянских обществ 37 губерний, где докладчиком выступает уполномоченный казанского дворянства кадет Д. П. Арцыбашев, особенно нападавший на Симбирскую чувашскую школу, как рассадницу сепартизма, называя ее «академией» (Окраины России, 1911 г., № 10). Наконец, «сепаратизм» чуваш докатывается до подножия уже совершенно подгнившего императорского престола: о нем непосредственно и лично докладывает царю казанский губернский предводитель дворянства С. С. Толстой—Милославский. Но события развертываются так быстро, что правительство не успевает проявить в отношении чуваш, как народа в целом, актов принципиально-враждебного характера. Впрочем был момент, когда тяжелая рука министра Кассо висела над центральной школой, готовя ее прихлопнуть, но умный директор последней, И. Я. Яковлев, отводит ее от своего детища. Однако травля чуваш, как народа-сапартиста, со страниц всевозможных докладов слуг бюрократии переходит на страницы реакционно-шовинистических органов русской печати (Деятель, Окраины России, Известия Казанского учебного округа и пр.) и продолжается вплоть до Мировой Войны.

Приложение 1-ое.

Именник царей Дунайских булгар.

Авитохол жит лет Т род емоу Доуло. а лет ему дилом твирем. Ирник жит лет Р и И лет. род емоу Доуло. а лет емоу дилом твирем. Гостоун наместник сыи В лет. род емоу Ерьми. а лет емоу дохъс твирем. Коурт КС (60) лет дръжа. род емоу Доуло. а лет емоу шегор вечемь. Безмер Г лет. а род семоу Доуло. а лет емоу шегор вечем. Сии Е кънязь дръжаще княжение об ону страноу Доуная. лет Ф. и. ЕI. остриженами главами. И потом приде на странау Доуная Исперих князь тожде и до селе, Есперери князь. КС. и одино лето. род емоу Доуло. а лет емоу верениалем. Тервель. К. и А. лет. род емоу Доуло. а лет ему текоучитемь. твиремь. К. и. И. лет. род емоу Доуло. а лет емоу дванъшехтемь. Севар. ЕI. лет. род емоу Дуло. а лет емоу Тохалътом Кормисошь. ЗI. лет. род емоу Вокиль. а лет емоу шегор твиримь. Сииже князь измени род доулов рекше Вихтунь Винех. З. лет. а род емоу Оукиль. а лет емоу имя шегоралемь. Телець. Г. лет. род емоу Оугаин а лет емоу сомор алтемь. И сии иного род Оумар М. днин. род емоу Оукиль. а емоу диломь тоутом.

(Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии, т. XXIX, вып. 4, стр. 135).

Приложение № 2.

Отрывок из письма Н. И. Ашмарина М. П. Петрову от июня 1925 г.

(Прилагается без разрешения автора ввиду важности его содержания и в надежде, что он не вменит это в вину).

„...знаю, что чуваши получили республику и что среди них теперь идут толки даже о замене имени чуваш другим—булгар [1]). Вот с последним я никогда не мог бы примириться. Ведь слово „ҫăваш" до сих пор еще научно не было об'яснено: все существующие об'яснения были неудовлетворительны; кроме того, ведь это у чуваш их

[1]) Пăлхар, ибо форма „пулхăр" совсем недопустима.

собственное название, которым они называют сами себя, и никто никогда не доказывал и не может доказать, что это название новое, данное им каким-нибудь другим народом. Все данные языка и истории говорят за то, что чуваши—потомки древних болгар; но если это так, то следует думать, что древние волжские болгары были известны под этим названием только у других народов, сами же называли себя *чувашами*. Черемисские формы: суас, сӳас, по-видимому, говорят за то, что слово „ҫăваш" раньше произносилось ҫăваҫ; если бы это было так, то тогда могло бы оправдаться мнение И. Н. Юркина, что слово „чуваш" происходит от ҫу „лето" (об этом нигде не напечатано, но имеется в одной из его рукописей). Это мнение прекрасно сходится с историческими свидетельствами араб. писателей, передающих нам, что *болгары кочевали только по летам*: они были *летовщики*; слово „ҫăваш" (ҫăваҫ) значило бы тогда: *летовщик*. Относительно изменения звуковой формы слово можно сравнить чув. йул+а+в+ҫă (йулавҫă, из тюрк. јулавчы), изменившееся в некоторых говорах в йулавăш, йолаш (об этом см. мою статью „Отголоски и пр."); что же касается начального „ҫ„ и перехода его в „ҫ", то я теперь подозреваю (хотя и не совсем уверенно), что „ҫ" было заменено „ҫ" вследствие бессознательного стремления избежать зловещего созвучия с словом «ҫăва» „кладбище". Такие замены известны нам и из других языков...... P. S. Если предположение И. Н. Юркина основательно, то более древняя *чувашская* форма слова „ҫăваш" была бы ҫăвавҫă, из ҫăв „лето" [1])+глагольный образовательный аффикс а [2]) +аффикс отглагольного имени действия „в" (как в „мухта—в" „тийе—в"+аффикс имени действующего „ҫ" (как в „ултав—ҫă"); потом она постепенно изменилась в „ҫăвавăҫ", "ҫăваҫ„, ҫăваш. Согласн. „ш" в конце, правда, представляет затруднение, но ведь „по видимому, такой переход мы имеем в „йулавăш", из „йулавҫă", если только йулавăш не другое слово. Заняться этим вопросом я, к сожалению, не имею возможности".

---

[1]) „Ҫу" более новая форма, как и „ту" (гора)—более новая, чем тăв и др.

[2] Как в каз.-тат. аша „есть" от аш „пища" и др.

Приложение 3-е.

Отрывок из письма Н. Я. Марр от 3 авг. 1925 г.

(Письмо получено к концу набора).

„Касательно ţăваш..., да ведь это и есть шумер в форме с огласовкой „а“ шumar=шумар (ср. груз. stumar «гость»), и это составной двуплеменной термин шumar «сал—ибер», точнее—шу-(р) бер», и этот шumar (в чувашском и ает «ţăваш» || шubаш (в Шubаш—kar) и т. д. и т. д.“

